

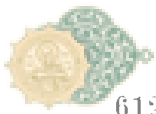
Алексѣй Степановичъ Хомяковъ.

(Продолженіе¹⁾).

Торжество единства на Руси не было торжествомъ отвлеченной только идеи: оно было фактомъ живой дѣйствительности; а живое единеніе областей требовало живого центра; такимъ центромъ стала Москва. „Москва была городъ новый, не имѣющій прошедшаго, не представляющій никакого опредѣленнаго характера (т. е. она не была узко-племеннымъ центромъ), смѣшеніе разныхъ Славянскихъ семей, и это ея достоинство. Она была столько же созданіемъ князей, какъ и дочерью народа; слѣдовательно, она совмѣстила въ тѣсномъ союзѣ государственную внѣшность и внутренность, и вотъ тайна ея силы. Наружная форма для нея уже не была случайною, но живою, органическою, и торжество ея въ борьбѣ съ другими княженіями было несомнѣнно. Отъ этого-то такъ рано въ этомъ молодомъ городкѣ (который, по обычаю Русской старины, засвидѣтельствованной лѣтописцами, и по мѣстничеству городовъ долженъ былъ быть смиреннымъ и тихимъ) родилось вдругъ такое буйное честолюбіе князей, и отъ того народъ могъ сочувствовать съ князьями²⁾... Какъ

¹⁾ См. Труды Академіи 1899 г. м. декабрь.

²⁾ Попытка объяснить торжество Москвы, какъ опредѣленнаго географическаго пункта, общими историческими причинами едва ли можетъ быть признана



скоро она объявила желаніе быть Россією, это желаніе должно было исполниться, потому что оно выразилось вдругъ и въ князѣ, и въ гражданинѣ, и въ духовенствѣ, представленномъ въ лицѣ митрополита. Новгородъ устоять не могъ. потому что идея города должна была уступить идеѣ государства; князья противиться долго не могли, потому что они были случайно въ своихъ княжествахъ; областная свобода и зависть городовъ, разбитыхъ и уничтоженныхъ Монголами, не могли служить препоною, потому что инстинктъ народа, послѣ кроваваго урока, имъ полученнаго, стремился къ соединенію силъ, а духовенство, обращающееся къ Москвѣ, какъ къ главѣ православія Русскаго, приучило умы людей покоряться ей благодѣтельной волѣ¹⁾.

Создавая культурно-политическій центръ для своего единства, Русскій народъ въ то же время вырабатывалъ и идею „верховнаго правителя и представителя народнаго единства“, въ которомъ онъ видѣлъ, съ одной стороны, представителя внѣшней власти, съ другой стороны—выразителя внутренней правды: *Царю-правителю обязанъ онъ былъ повиновеніе.иъ, царю-человѣку—правдою*“. Власть царя покоилась не на внѣшней законности, основанной на формальномъ договорѣ, а на силѣ довѣрія и любви народа, т. е. на началѣ чисто

удачною. Москва не была единственнымъ новымъ городомъ въ краѣ. Почти всѣ города Сѣверо-восточной Руси, за исключеніемъ Ростова и Суздаля, возникли при тѣхъ же условіяхъ, какъ и Москва, и князья нѣкоторыхъ изъ нихъ обнаружили не меньше „буйнаго честолюбія“, чѣмъ и князья Московскіе, но никто изъ нихъ не сумѣлъ проявить столько высокаго политическаго смысла и таѣта, никто не былъ такъ неразборчивъ и изобрѣтателенъ въ присканіи средствъ для достиженія своихъ честолюбивыхъ замысловъ, какъ князья Московскіе и ихъ ближайшіе сотрудники. Здѣсь, можно сказать, образовалась своя особая дипломатическая школа, приемы которой традиціонно передавались изъ поколѣнія въ поколѣніе. Это важный историческій фактъ, пренебрегать которымъ не слѣдуетъ, на ряду конечно съ другими данными.

¹⁾ Ibid. 373.



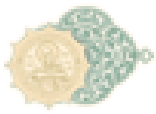
нравственномъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно сравнить отношеніе народа къ двумъ избраннымъ государямъ: Борису Годунову и Михаилу Ѳедоровичу Романову. „Разница между отношеніями народа къ первому и ко второму избраннику (ибо Шуйскаго, какъ незаконно избраннаго, должно исключить) происходила отъ чисто нравственныхъ началъ, понятныхъ только въ нашей исторіи и совершенно чуждыхъ Западному міру. Россія видѣла въ Годуновѣ человѣка, который втерся въ ея выборъ, отстранивъ всякую возможность другого выбора: тутъ была законность внѣшняя—призракъ законности. Въ Михаилѣ видѣла она человѣка, котораго избрала сама, съ полнымъ сознаніемъ и волею, и которому добродушно и разумно повѣрила судьбу свою, также какъ тѣмъ самымъ избраніемъ повѣрила судьбу своего потомства—его роду: тутъ была законность внутренняя и истинная“ ¹⁾. Вытекая изъ такого чисто нравственного источника, народная любовь къ царю не имѣла границъ. Бывали случаи (напр. при Грозномъ), когда „палачи окружали дворецъ, палачи ждали ихъ (Русскихъ людей) во дворцѣ, но они вступали спокойно, помолившись Богу и приготовившись къ разставанію съ жизнію:—(это была) мученическая жертва, жертва любви народа къ государю“. Дѣлали же они такъ потому, что вѣрили, что истинная правда, истинная христіанская любовь живетъ только въ царскомъ дворцѣ. И во имя этой „правды и любви христіанской, шли къ царямъ люди Русскіе, принося къ нимъ стонъ народа и голосъ праведнаго обличенія“ ²⁾. Въ свою очередь, и государи понимали и цѣнили эту любовь и это довѣріе къ себѣ народа и платили ему тѣмъ же. Такъ, при Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ, когда процессъ объединенія земли былъ оконченъ и когда сепара-

¹⁾ Ibid. 55 и 379.

²⁾ Ibid. 379.



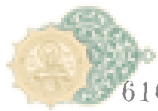
тизма областей бояться было нечего, царь принимаетъ рядъ мѣропріятій, свидѣтельствующихъ, какъ симпатично стали было складываться отношенія между имъ и народомъ. Когда, напримѣръ, трудами мудрыхъ совѣтниковъ, подъ надзоромъ самаго царя, составленъ былъ Судебникъ—прекрасный памятникъ нашего древняго права, Иванъ Васильевичъ отдалъ его на судъ избраннымъ людямъ земли Русской, „дабы такимъ образомъ утвердилось и полнѣйшее разумѣніе права и *полнѣйшее согласіе между народомъ и царемъ*“. Въ Москвѣ былъ созванъ Соборъ знаменитѣйшихъ людей изъ чина свѣтскаго и духовнаго; Судебникъ былъ ими рассмотрѣнъ и утвержденъ. Государю полюбился голосъ народа, и новыя уставныя грамоты дали всѣмъ городамъ и волостямъ право избирать старостъ, цѣловальниковъ или присяжныхъ, для суда по дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ, вмѣстѣ съ царскими намѣстниками. Въ то же время земская исправа была поручена сотскимъ и пятидесятскимъ, избраннымъ также вольнымъ выборомъ сельской общины. Такъ былъ возстановленъ древній Русскій обычай, въ то время измѣненный почти вездѣ, за исключеніемъ Пскова и широкой области Новгородской. И послѣ этого Собора не разъ государями Русскими, Иваномъ Васильевичемъ и его преемниками, созывались выборные люди отъ Русской земли въ Земскую Думу или въ Земскій Великій Соборъ,—для обсужденія самыхъ важныхъ дѣлъ по законодательству или по сношеніямъ съ иностранными державами. Въ этихъ Земскихъ Думахъ или Соборахъ участвовали всѣ чины, отъ высшаго духовенства и боярства до мѣщанъ и людей посадскихъ. И всѣ чины пользовались равными правами, хотя и не равнымъ почетомъ; приговоръ полагался единодушно, но писался отъ каждаго чина особенно, и утверждался подписями также по чинамъ. Возможность такого единодушія, удивительная по теперешнимъ понятіямъ, объясняется весьма просто изъ тогдашняго быта. Основую мнѣнія были не личные, шаткія и произвольныя понятія, естественно



склонныя къ разногласію. но древній обычай, который одинъ для всѣхъ Русскихъ, и прямой законъ Божественный, который одинъ для всѣхъ православныхъ“¹⁾.

Но слѣдя за движеніемъ жизни впередъ, за постепеннымъ торжествомъ высшаго начала, историкъ допустилъ бы большую односторонность, если бы ограничился изображеніемъ лишь свѣтлой стороны этого сложнаго историческаго процесса. Стремленіе къ единству было, такъ сказать, законно, поэтому оно и восторжествовало; но не легко досталось это торжество и не дешево оно было куплено. „Много крови было пролито въ борьбѣ, много искаженій допущено въ жизни. Безчувствіе и сонное равнодушіе наложили печать свою на побѣжденныхъ; гордость и склонность къ злоупотребленію торжества вкрались въ душу побѣдителей. Тутъ опять было *глубокое раздвоеніе въ душевно-нз настроеніи, въ бытѣ и въ характеръ образованности*. Областная земская жизнь, покоясь на старинѣ и преданіи, двигаясь въ кругу сочувствій простыхъ, живыхъ и, такъ сказать, осязаемыхъ, состоя изъ *стихій цѣльной и однородной, отличалась особенно теплою чувствія, богатствомъ слова и фантазіи поэтической, и вѣрностью тому бытовому источнику, отъ котораго брала свое начало*. Дружина и стихіи, стремящіяся къ единенію государственному, двигаясь въ кругу понятій отвлеченныхъ (ибо цѣль была еще не достигнута и не получила осуществленія) или выгоды личныхъ и принимая въ себя безпрестанный приливъ иноземный, были склонны къ *развитію сухому и разсудочному, къ мертвой формальности, къ принятію Римскаго Византіяства въ правѣ и всего чужестраннаго въ обычаѣ*“. Частныя юридическія постановленія Византіи не

¹⁾ Ibid. 382. Эти строки взяты изъ статьи: „Тридцать лѣтъ царствованія Ивана Васильевича“, предназначавшейся и дѣйствительно напечатанной въ Библиотекѣ для воспитанія. Это предназначеніе статьи для дѣтей, очевидно, не позволяло Хомякову дать этому важному вопросу болѣе серьезную постановку.

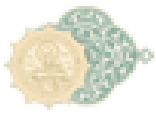


только изучались, но и уважались наравнѣ почти съ постановленіями обще-церковными, при чемъ выражалось требованіе примѣнять ихъ къ Россіи, какъ бы они имѣли всеобщую обязательность ¹⁾. О влеченіи высшаго класса къ иноземному многое говорить въ древней Руси, начиная съ Мстислава Удалаго, отдающаго Венграмъ Русскую землю, имъ же освобожденную, оканчивая Иваномъ Грознымъ, съ гордостью вспоминающимъ о своемъ Варяжскомъ происхожденіи и желающимъ создать себѣ родословную отъ Августа. Очевидно, что Русскій, ставящій право и славу, взятыя изъ иного народа, выше Русской славы и права своепароднаго, на половину уже отрекся отъ древней Руси. Различіе между княжеско-дружинной и земской стихіями можно замѣтить даже въ такихъ сторонахъ жизни, какъ увеселенія. Извѣстно, что въ то время какъ среди народа господствовали хороводы, пѣсни и другія увеселенія, отличавшіяся поэтической затѣйливостью, въ бытѣ дружинномъ получили распространеніе шутовство и скоморошество; тамъ вы видите проявленіе простоты цѣльнаго естественнаго быта и живости общиннаго преданія, здѣсь—отраженіе сухого и противохудожественнаго настроенія стихіи разнородной и заключившей себя въ условный формализмъ ²⁾.

Впрочемъ, говоря все это, „не должно забывать, что то, что рѣзко отдѣляется въ наукѣ и является въ определенной противоположности въ анатомическомъ трудѣ критика, сливается и отчасти мирится въ ходѣ жизни и исторіи. Пѣсня, созданная народнымъ воображеніемъ, веселила боярскіе терема; сказка говорила боярину о томъ, какъ среди всѣхъ богатырей—дружинниковъ, окружавшихъ гостепріим-

¹⁾ Последняя точка взята изъ статьи И. В. Кирѣвскаго „О характерѣ просвѣщенія Европы“, которую Хомяковъ разбираетъ и на которую, при развитіи излагаемыхъ мыслей, онъ дѣлаетъ ссылку (Сочин. Кир. т. 2, стр. 278).

²⁾ Ibid. 228—229.



ный столъ Владиміра. краснаго солнышка, всѣхъ чище и лучше, всѣхъ сильнѣе. и, такъ сказать, недосыгаемъ въ своей разумной и смиренной силѣ. сидѣлъ старъ-матерь Плыи Муромецъ, сынъ крестьянина села Карачарова; на вѣѣ слышался совѣтъ дружинника въ совѣтѣ мѣстной общины; на земской думѣ сливалась мысль боярина съ мыслию гостя торговаго и человѣка посадскаго, и обывателя сельскаго. Судъ былъ общій, и губные старосты выбирались голосами всѣхъ жителей округа безъ исключенія; болѣе же всего Церковь, общая всѣхъ мать, примирительница всякаго раздора. обнимала всѣхъ равно своими чадолюбивыми объятіями. Этому сліянію въ жизни соответствуетъ многое въ исторіи. Мѣстный эгоизмъ часто жертвуетъ собою для единенія общаго: начало общаго единенія и стихія, представляющая его, часто заступаются всею своею силою за право мѣстное. Тотъ же Іоаннъ, который на половину отрекается отъ своей родины, для подавленія боярства и всякой исключительной независимости, покровительствуетъ земцинѣ и оставляетъ по себѣ въ народныхъ сказаніяхъ благородное воспоминаніе, въ которомъ трудно угадать его кровавый образъ. Иначе и быть не могло. Было раздвоеніе въ землѣ Русской, но оно было фактомъ, отчасти случайнымъ и происходящимъ отъ недоразумѣнія; оно не было рѣзко опредѣлено, основано на коренной неправдѣ и враждѣ и узаконено самимъ міромъ духовнымъ, какъ на Западѣ: *оно существовало, какъ фактъ, а не какъ созннное начало*. Начало цѣльности и единства одно только имѣло право неоспоримое, разумное и освященное благословеніемъ вѣры. Потому то и пришло время, когда стремленіе, прежде бывшее отвлеченнымъ, потомъ осуществленное отчасти насиліемъ, отчасти неизвинительною неправдою, сдѣлалось *началомъ живымъ и горячимъ, источникомъ чувствъ глубокихъ и сердечныхъ*: тогда всѣ общины слились въ одну великую общину“. Насколько эта работа исторіи была прочна, это показало смутное время. Расшатанному государству, ка-



залось, пришла неминуемая гибель: все шло врознь и приводило землю въ полное безсиліе. Но теперь-то и обнаружилось, гдѣ скрывается сила Русской земли: Русь почувствовала, что она есть одинъ живой организмъ, одно многовѣтвистое дерево, корень котораго составляетъ Москва, и Русскіе люди сказали о Москвѣ: „только кóренью основаніе крѣпко, то и древо неподвижно; только кóренья не будетъ, къ чему прилѣпиться?“ И дѣйствительно, какъ только вѣтви, прилѣпившись къ корню, восприняли отъ него живительные соки, утраченная деревомъ сила возстановилась: „Россія была спасена и избраніе Михаила укрѣпило ея самосознанное единство. Но понятно, какъ прежнее раздвоеніе задержало развитіе начала, требующаго цѣльности, и понятно также, что прежнія раны не могли закрыться мгновенно или пропасть безъ слѣда“¹⁾.

Но отмѣчая условія объединенія земли, мы недостаточно отмѣтили значеніе одной великой силы, имѣвшей въ данномъ случаѣ рѣшающее значеніе. Ни княжескій родъ, ни дружина, предоставленныя самимъ себѣ, не объединили бы Руси. „Княжескій родъ съ его шаткимъ престолонаслѣдіемъ былъ склоненъ къ раздорамъ; дружина, отчасти чужеродная, долго представляла только полукочевую отдѣленность лицъ, служащихъ по волѣ; она долго не составляла цѣлаго, опредѣленно-сочлененнаго, еще долѣе не имѣла корня въ какой-нибудь осядлости; она не охватывала всей страны желѣзной сѣтью аллодіальнаго владѣнія или феодальнаго баронства, какъ завоевательная дружина Германцевъ на Западѣ. Она всегда могла служить и часто служила личнымъ выгодамъ или страстямъ временныхъ вождей своихъ, наперекоръ общей пользѣ Русской земли“. Словомъ, „начало единенія было бы весьма слабо и никогда не могло бы восторжествовать, если бы не имѣло другой силы кромѣ этихъ ненадежныхъ представителей. Но оно имѣло другую силу, несравненно большую: эта

¹⁾ Ibid. 229—230



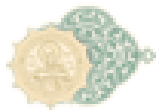
сила была въ христіанствѣ. Другія земли новѣйшей Европы въ своей цѣлости созданы вещественною силою завоеванія и завоевательныхъ племенъ, принявшихъ въслѣдствіи христіанскую вѣру. *Наша старая Русь создана самими христіанствомъ...* Всѣ прочія связи, рыхлыя и не крѣпкія сами по себѣ, получали крѣпость и освященіе отъ одной этой неразрушимой силы“. Но чтобы понять истинное значеніе христіанской вѣры въ ея дѣйствіи на Русскую землю, надобно ясно понять отношеніе Русскаго народа къ вѣрѣ христіанской.

„Какое то глубокое отвращеніе отъ древняго своего язычества ¹⁾ замѣтно въ народахъ Славянскихъ, кромѣ Поморія, гдѣ вражда народная произвела вражду противъ христіанства. Казалось, что не проповѣдь истины искала Славянъ. а Славяне искали проповѣди истины. Такое движеніе умовъ замѣтно по разсказамъ лѣтописцевъ не въ одной Русской землѣ, а въ Моравіи и Чехіи, въ Болгаріи и Козаріи (которой населеніе было по большей части (?) Славянское), и въ Польшѣ. Но самое это движеніе, указывая на скрытый анализъ прежнихъ, отвергаемыхъ вѣрованій, принадлежало, по вѣроятности, сравнительно образованнѣйшей части народа, оставляя большую часть его въ тупомъ равнодушіи, смѣшанномъ съ безсмысленнымъ суевѣріемъ, остаткомъ переродившагося или умершаго вѣрованія.. Разумно вступали Ольга. Владиміръ, дружина и старцы градскіе въ нѣдра православія. Съ дѣтскимъ спокойствіемъ слѣдовала за ними большая часть земской общины, управляемая болѣе довѣріемъ къ людямъ, чѣмъ вѣрою въ высокое и сознанное начало христіанской истины. Быть можетъ, мѣстами являлось нѣкоторое принужденіе, противное христіанству (какъ видно изъ словъ св. Иларіона и изъ Новгородской поговорки: „Путята крестилъ

¹⁾ Эта маленькая гипербола не мѣшаетъ Хомякову разсуждать далѣе совершенно основательно по данному вопросу.



огнемъ, а Добрыня мечемъ“); но, безъ сомнѣнія, вообще введеніе православія не сопровождалось жестокостію, какъ во многихъ Германскихъ областяхъ. За всѣмъ тѣмъ, безпристрастная критика должна признать, что земля Русская въ большей части своего населенія приняла болѣе обрядъ церковный, чѣмъ духовную вѣру и разумное исповѣданіе Церкви“. На это указываютъ жалобы современниковъ. „Эти жалобы имѣютъ особый характеръ. Это не жалобы на порокъ личный, на буйство страсти, на неисполненіе закона, котораго святость челоуѣкъ признаетъ, но строгости котораго онъ покоряться не хочетъ: нѣтъ, это жалобы на отсутствіе закона, на туое невѣжество, на совершенное неразумніе коренныхъ основъ христіанства, и многія изъ нихъ принадлежатъ эпохѣ весьма поздней. Къ равнодушному и холодному вступленію въ церковное общество должно прибавить недостатокъ въ проповѣдникахъ. Слова Божія въ первое время, а въпослѣдствіи недостатокъ въ письменныхъ его памятникахъ, которыхъ несправность и часто грубыя ошибки свидѣлствуютъ о непониманіи и о весьма слабомъ желаніи ихъ познать. Наконецъ, страшныя погромы Татаръ, уничтоживъ множество книгъ и раскидавъ народъ, имѣли послѣдствіемъ явное увеличеніе дикости и невѣжества“. Вотъ въ этой-то дикости, въ этомъ невѣжествѣ и скрывается причина преобладанія обрядности и формальности общественной и религіозной, выразившейся въ расколахъ. „Недостатокъ христіанскаго просвѣщенія, скрывавшійся за христіанскимъ обрядомъ, выступилъ наружу при первыхъ попыткахъ книжнаго направленія уже при Максимѣ Грекѣ (хотя онъ страдалъ по другимъ причинамъ) и въпослѣдствіи произвелъ гѣ старообрядческіе расколы, которыхъ появленіе принадлежитъ ХVІІ вѣку, а корень таится въ глубочайшей древности и въ особенностяхъ распространенія христіанства въ Россіи“. Итакъ, мысль о томъ, что христіанское ученіе во всей полнотѣ и чистотѣ выразилось во всемъ объемѣ общественнаго и част-



наго быта древней Руси, и что „чистота выраженія такъ сливалась съ выражаемымъ духомъ, что наружную форму стали уважать наравнѣ съ внутреннимъ смысломъ“ и что отсюда будто бы развилась породившая расколъ обрядовая формальность, съ одной стороны, и „стремленіе къ формамъ чужимъ и чужому духу“, съ другой,—эта мысль (Кирѣевскаго) должна быть оставлена. „Безпристрастное сознаніе исторической истины избавить насъ отъ необходимости искать причинъ паденія въ самомъ совершенствѣ эпохи, предшествовавшей ему. Нѣтъ, пусть торжество односторонняго и неполнаго начала влечетъ за собою его отрицаніе и разрушеніе вслѣдствіе самой неполноты и односторонности, наиболѣе сознаваемыхъ въ минуту торжества (исторія полна примѣровъ этой истины); но съ совершеннымъ, глубокимъ убѣжденіемъ можемъ мы сказать, что *цѣльная, всесторонняя и безприликая истина христіанства крѣпчаетъ и развивается въ человѣкѣ по мѣрѣ* полнѣйшаго ея проявленія и не подвержена закону саморазрушенія“.

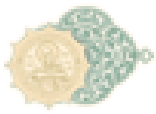
Но тутъ возникаетъ слѣдующій вопросъ: „Всѣ народы Запада находились въ отношеніи еще гораздо худшемъ къ христіанству, чѣмъ наша родина. Отъ чего же просвѣщеніе могло развиваться въ нихъ быстрѣе, чѣмъ въ древней Руси? Отъ того, что они выросли на почвѣ древне-Римской, непримѣтно пропитывавшей ихъ началами просвѣщенія, или въ прямой отъ нея зависимости, и отъ того, что просвѣщеніе ихъ, по односторонности своихъ началъ, могло, какъ уже сказано было, развиваться при многихъ недостаткахъ въ жизни общественной и частной“. Другими словами: народы Запада получали свое просвѣщеніе изъ двухъ источниковъ и кромѣ того, самое начало ихъ просвѣщенія, вслѣдствіе своей односторонности, было слишкомъ неприхотливо и могло развиваться на какой угодно почвѣ. „*Древняя же Русь имѣла только одинъ источникъ просвѣщенія—вѣру, а вѣра разумная далеко не обнимала земли, которой большая*



часть была христіанскою болѣе по наружному обряду, чѣмъ по разумному сознанію, между тѣмъ какъ всестороннее начало просвѣщенія требовало жизненной цѣльности для проявленія своей животворящей силы“¹⁾.

Конечно, многія явленія въ нашемъ историческомъ прошломъ „представляются безспорно съ великимъ и человѣческимъ характеромъ цѣльности. Они радовали современниковъ, они пробуждаютъ теплое и благоговѣйное чувство отрады въ душѣ ихъ далекихъ потомковъ. При одной памяти объ нихъ, законная гордость поднимаетъ наши головы и расширяетъ освѣженную грудь; но такія явленія, свойственныя нашей древней исторіи и только ей одной, отдѣляются отъ ея общаго развитія; они выражаютъ временное торжество кореннаго закона, но указываютъ и на его безсиліе передъ сопротивленіемъ началъ раздвоенія и формальности“. Какъ на образчикъ проявленія величія, полноты и цѣльности душевныхъ силъ въ древней Руси, можно указать на Владимира Мономаха; онъ былъ представителемъ „такого единства и цѣльности, которыя никогда уже впослѣдствіи не являлись“. Вліяніе его великой личности видно во всемъ: въ подавленіи силы степныхъ варваровъ, въ княжескихъ сѣздахъ, въ водвореніи мира, въ законодательствѣ и т. д. „Но значеніе Мономаха было въ немъ самомъ и въ его личномъ величіи. Другого Мономаха уже не являлось, а вскорѣ уже и явиться не могло. Русь, созданная христіанствомъ, при немъ еще не созрѣла и не вполне исполнилась его духа; но за то въ ней еще не получили силы и другія начала, которыя на долго должны были ему противодѣйствовать, а эти начала уже стали развиваться при его дѣтяхъ“.

¹⁾ Ibid. 230—234. Хомяковъ, конечно, ошибается, когда вліяніе на древнюю Русь Византіи видитъ только въ передачѣ христіанства. Но несомнѣнно то, что просвѣтительное воздѣйствіе на насъ Византіи было гораздо слабѣе, чѣмъ воздѣйствіе Римской культуры на Западную Европу.



Главная задача, къ которой должна была стремиться древняя Русь, состояла въ единеніи областей. При воплощеніи въ жизни христіанскаго закона любви эта задача осуществилась бы легко, подъ воздѣйствіемъ однихъ внутреннихъ мотивовъ. Но при слабости христіанскаго просвѣщенія это случиться не могло: стремленіе къ единству, получивъ толчокъ извнѣ, „стало искать опоры въ силахъ вещественныхъ и въ вещественномъ насилиі“ со всѣми его печальными послѣдствіями. Когда Юго-Западная Русь, группировавшаяся около Галича, принявшаго въ себя много иноземныхъ стихій, вслѣдствіе погрома татарскаго, окончательно отдѣлилась и отошла къ Литвѣ, представителемъ самобытнаго развитія Русской жизни сдѣлалась Сѣверо-Восточная Русь съ центромъ въ Москвѣ. Вотъ тутъ-то и проявилась борьба двухъ началъ: общерусскаго единства съ областнымъ сепаратизмомъ. Представителемъ перваго явилась Москва, нашедшая себѣ могущественную поддержку въ Церкви. „Съ тѣхъ поръ, какъ св. митрополитъ Петръ изрекъ пророческое благословеніе надъ Москвою, она стала видимо стремиться къ совокупленію всей Руси подъ державное единство князей своихъ“. Съ точки зрѣнія чисто церковной то единство, которое осуществляла Москва, не было, собственно говоря, дѣломъ безусловно необходимымъ. Если бы просвѣтительное христіанское начало въ возможной полнотѣ проникло въ жизнь Русскаго народа, то единство Русской земли могло бы осуществиться при сохраненіи областной свободы и самобытности. Да и „благородство науки и голосъ правды человѣческой“ не позволяютъ безусловно осуждать тѣхъ изъ нашихъ предковъ, которые старались сохранить областную самобытность, ибо въ нихъ говорила вѣрность преданію, естественная любовь къ родинѣ и тому, что признавали они своимъ долгомъ. Но „опытъ прошлаго времени доказалъ, что духовное начало еще не настолько развито было въ народѣ, чтобы прочное единство и



внутренній миръ могли уцѣлѣть при независимости областей. Удѣлы должны были пасть. Какія бы ни были средства, употребленныя потомками Даніила, какая бы ни была ихъ нравственность въ жизни частной или дѣйствіяхъ общественныхъ. — цѣль, къ которой стремились они сами и ихъ молодая область, была законна; ибо съ нею была связана возможность спасенія Русской земли отъ унижительной и бѣдственной подчиненности Татарамъ и отъ напора Литвы. Стягъ Московскій долженъ былъ стянуть всю Русь около себя, чтобы побѣда могла вѣнчать кровавую борьбу на Куликовомъ полѣ и чтобы плоды побѣды не могли быть снова утрачены“. Идея эта вполне была понята и по достоинству оцѣнена представителями Церкви, которые и взяли ее подъ свое покровительство. „Духовенство, обращаясь къ христіанскому чувству народнаго единства, постоянно стремилось къ единенію подъ державною рукою Москвы. Епископы, иноки, пустынники обращали все свое вліяніе и всю силу своихъ убѣжденій къ этой цѣли, и какъ ни темно было понятіе значительной части народа о вѣрѣ, въ немъ было то христіанское смиреніе, которое любило голосъ своихъ пастырей и охотно слѣдовало ихъ призыву. Московскіе святители трудились не даромъ. Св. митрополитъ Алексѣй и основатель Троицкой лавры св. Сергій, великіе подвижники міра духовнаго, болѣе содѣйствовали единенію Русской земли, чѣмъ вся хитрая политика Симеоновъ, Дмитріевъ и Іоанновъ. Слово церковнаго увѣщанія умирало страсти, которыя возстали бы противъ насилія; оно умирало страсти, которыя были часто раздражаемы неправдою и коварствомъ“. Такимъ образомъ, не преувеличивая можно сказать, что „Церковь создала единство Русской земли или дала прочность случайности Олегова дѣла. Церковь возстановила это единство, нарушенное междуусобіями. Она дала перевѣсъ Руси Московской надъ Литвою, въ которой язычество нѣсколько времени боролось съ хри-



стіанствомъ, и латинство, наконецъ, взяло верхъ надъ древнею народною вѣрою“ ¹⁾).

Но, признавая столь важное значеніе Церкви въ дѣлѣ внутренняго устройства государства, можно вызвать невѣрное представленіе о нормальномъ отношеніи между Церковью и государствомъ, особенно у людей, привыкшихъ все воспринимать подъ угломъ зрѣнія понятій иноземныхъ. Истинное отношеніе православной Церкви къ государству П. В. Гирѣевскій прекрасно выразилъ въ слѣдующихъ словахъ: „Управляя личнымъ убѣжденіемъ людей, Церковь православная никогда не имѣла притязанія насильственно управлять ихъ волею или пріобрѣтать себѣ власть свѣгски-правительственную“ ²⁾. „Это истина, говоритъ Хомяковъ, всѣми признанная и неподверженная сомнѣнію; не только такъ было всегда, но и не могло быть иначе по самому существу Церкви. По догматическому и словесному своему ученію она пребываетъ для всѣхъ временъ въ Священномъ Писаніи и догматическихъ рѣшеніяхъ Вселенскихъ Соборовъ; по животворной силѣ и видимому образу она проходитъ чрезъ всѣ времена въ святыхъ Божіихъ таинствахъ и въ многозначительномъ, хотя и измѣняемомъ обрядѣ; по своему человѣческому составу она во всякое время проявляется по всей землѣ въ своихъ членахъ, т. е. въ людяхъ, признающихъ ея святой законъ. Изъ этого самаго очевидно, что не только никогда не искала она насильственного управленія надъ людьми, но и не могла его искать; ибо для такого управленія она должна бы отдѣлиться отъ людей, т. е. отъ своихъ членовъ, отъ самой себя. Такое отдѣленіе Церкви отъ человѣчества возможно и понятно при юридическомъ раціонализмѣ западныхъ опредѣленій и совершенно не возможно при живой цѣльности Православія. Въ ней ученіе не отдѣляется отъ жизни: ученіе живетъ, и жизнь

— — —
¹⁾ П.Д. 234—238.

²⁾ Полное собр. сочин., т. II. 262.



учить“⁴⁾. И въ самомъ дѣлѣ, иное отношеніе Церкви къ обществу и государству возможно было бы лишь подъ тѣмъ условіемъ, если бы Церковь превратилась во внѣшнее учрежденіе, отдѣльное отъ другихъ аналогичныхъ учреждений: политическая партія, правительственная канцелярія, торгово-промышленная фирма и другія аналогичныя учрежденія, замкнувшись въ узкомъ кругѣ извѣстнаго количества лицъ и ихъ интересовъ, могутъ вступать въ борьбу и мириться съ другою партіей, канцеляріей, фирмой и т. д. Церковь же не есть учрежденіе, отдѣленное внѣшнимъ образомъ отъ людей потому, что, по своему человѣческому составу, она изъ нихъ состоитъ; Церковь не есть что либо внѣшнее для людей: она есть внутренняя жизнь людей. Церковь, по мѣткому выраженію Кирѣвскаго, такъ управляетъ „общественнымъ составомъ, какъ духъ управляетъ составомъ тѣлеснымъ“. Въ католичествѣ, гдѣ Церковь почти отождествляется съ церковной іерархіей, во главѣ которой стоитъ полновластный папа, претендующій на права свѣтской власти, тамъ Церковь является учрежденіемъ аналогичнымъ съ учрежденіемъ государственнымъ. При однородности интересовъ этихъ двухъ учреждений (оба они преслѣдуютъ мірскіе интересы) они могутъ сталкиваться между собою, вести борьбу и мириться, какъ ведутъ борьбу и мирятся политическія партіи или торгово-промышленныя ассоціаціи. И дѣйствительно, на Западѣ папа, управляя клерикальною партіей, составляетъ крупную политическую силу, съ которою должны считаться правительства. Въ православной Церкви, при указанномъ понятіи о ней, ничего подобнаго и представить себѣ нельзя. Здѣсь, въ дѣлахъ вѣры, всѣ, начиная отъ Государя и оканчивая послѣднимъ его подданнымъ, обязаны безпрекословно подчиняться постановленіямъ всей Церкви, т. е. такимъ постановленіямъ, обязательность которыхъ единогласно признана всѣми членами

⁴⁾ Сочин. Хомякова, т. I. 238.



Церкви; въ дѣлахъ мірскихъ, наоборотъ. всѣ обязаны подчиняться верховной государственной власти и ея представителямъ. Смѣшеніе этихъ двухъ областей и вытекающія отсюда злоупотребленія всегда, конечно, возможны; но всякое злоупотребленіе есть уклоненіе отъ законной нормы и смѣшивать его съ нормою можно только по недомыслию. Характернымъ примѣромъ разграниченія на практикѣ этихъ двухъ областей можетъ служить фактъ столкновенія Ивана Грознаго съ митрополитомъ Филиппомъ; тотъ же Святитель, который, какъ членъ государства, смиренно и безпрекословно отдаетъ себя и свою жизнь въ волю Государя, какъ представитель Церкви, является грознымъ обличителемъ его нехристіанской жизни; Святитель гибнетъ, падая жертвою несправедливаго гнѣва Государя; Церковь, къ числу членовъ которой принадлежатъ и государи, причисляетъ его къ лику святыхъ. Напротивъ, когда патріархъ Никонъ проявилъ духъ, недостойный служителя Христова, благочестивый Алексѣй Михайловичъ отдалъ его на судъ Церкви и Церковь осудила его.—Вообще. Церковь, скажемъ словами Гирѣвскаго, „всегда оставалась внѣ государства и его мірскихъ отношеній, высоко надъ ними, какъ недостижимый, свѣтлый идеалъ, къ которому они должны стремиться и который не смѣшивался съ ихъ земными пружинами“¹⁾. „Дѣйствительно, какъ бы ни было совершенно человѣческое общество и его гражданское устройство, оно не выходитъ изъ области случайности исторической и человѣческаго несовершенства: оно само совершенствуется или падаетъ, во всякое время оставаясь далеко ниже недостижимой высоты неизмѣнной и богоправимой Церкви. Самый законъ общественнаго развитія есть уже законъ явленія несовершеннаго. Улучшеніе есть признаніе недостатка въ прошедшемъ, а допущеніе улучшенія въ будущемъ есть признаніе неполноты въ современномъ. Нравственное возвышеніе общества.

¹⁾ Полн. собр. соч. т. 2, 262.



свидѣтельствуя о возрастающей зрѣлости народа и государства и находя точки отправленія или опоры въ нравственный и умственный превосходствѣ законодателей и нравственныхъ дѣятелей общественныхъ, движается постепенно. и постепенно дѣлается достояніемъ всѣхъ. Въ законѣ положительномъ государство опредѣляетъ, такъ сказать, постоянно свою среднюю нравственную высоту, ниже которой стоятъ многіе его члены (что доказывается преступнымъ нарушеніемъ самыхъ мудрыхъ законовъ) и выше которыхъ стоятъ всегда нѣкоторые (что доказывается послѣдующимъ усовершенствованіемъ закона). Такова причина, почему общество не можетъ допустить слишкомъ быстрыхъ скачковъ въ своемъ развитіи. Законъ, слишкомъ низкій для него, оскорбляя его нравственность, оставляется безъ вниманія; слишкомъ высокій непонятенъ и остается безъ исполненія. Между тѣмъ каждый христіанинъ есть въ одно и то же время гражданинъ обоихъ обществъ, совершеннаго, небеснаго—Церкви, и несовершеннаго, земнаго—государства. Въ себѣ совмѣщаетъ онъ обязанности двухъ областей, неразрывно въ немъ соединенныхъ, и при правильной внутренней и духовной жизни переноситъ безпрестанно уроки высшей въ низшую, повинуюсь, обѣимъ. Строго исполняя всякій долгъ, возлагаемый на него земнымъ обществомъ, онъ въ совѣсти своей, очищенной уроками Церкви, неусыпно наблюдаетъ за каждымъ своимъ поступкомъ и допрашиваетъ себя объ употребленіи всякой данной ему силы или права, дабы усмотрѣть, не оставляетъ ли пользованіе ими какого нибудь пятна, или сомнѣнія въ его душѣ, или въ убѣжденіяхъ его братій и не лучше ли иногда воздержаться ему самому даже отъ дозволеннаго и законнаго. или нѣтъ ли наконецъ у него въ отношеніи къ его земному отечеству обязанностей, которыхъ оно еще не возлагаетъ на него. Жизнь его и слово дѣлаются въ одно время и примѣромъ, и наставленіемъ для другихъ, такъ же, какъ и онъ самъ отъ другихъ, лучшихъ, получаетъ примѣръ и наставленіе.



Эта искренняя и непринужденная и безропотная бесѣда между требованіями двухъ областей въ самой душѣ человѣка есть тотъ великій двигатель, которымъ небесный законъ христіанства подвигаетъ впередъ и возвышаетъ народы, принявшіе его. Конечно, въ душѣ, въ словѣ и дѣлѣ человѣка могутъ быть ошибки; но нѣтъ исканія и, слѣдовательно, возможности улучшенія, безъ возможности ошибки. Участь же общества гражданскаго зависитъ отъ того, какой духовный законъ признается его членами и какъ высока нравственная область, изъ которой они черпаютъ уроки для своей жизни въ отношеніи къ праву положительному. Такова причина, почему всѣ государства не-христіанскія, какъ ни были они грозны и могучи въ свое время, исчезаютъ передъ міромъ христіанскимъ; и почему въ самомъ христіанствѣ тѣмъ державамъ опредѣляется высшій удѣлъ, которыя полиѣ сохраняютъ его святой законъ“¹⁾.

Таково истинное отношеніе Церкви къ государству и таково значеніе христіанства для внутренней жизни послѣдняго. Теперь спрашивается: въ какой же полнотѣ законъ христіанства былъ воспринятъ и осуществленъ въ жизни нашею древнею Русью? „Онъ былъ вполне признанъ древнею Русью; но, по недостатку истиннаго просвѣщенія, по темному понятію о вѣрѣ, которое оставалось въ значительной части народа, принявшей болѣе ея обрядъ, чѣмъ полноту ея духа,—та внутренняя бесѣда въ душѣ человѣка и то озареніе области гражданской свѣтомъ области духовной были невозможны. Единство дано было силою или, по крайней мѣрѣ, съ помощью силы; силою дано было спокойствіе, котораго не могли достигнуть мирными путями. Сила и страхъ были признаны надежнѣйшими пружинами для сохраненія тѣхъ благъ, которыя были достигнуты ихъ помощью. Безъ сомнѣнія, благодѣтельная жизнь христіанскаго начала не переставала дѣй-

¹⁾ Сочин. Хомякова, *ibid.* 239—241.



ствовать и выражаться въ явленіяхъ высокихъ и утѣшительныхъ; но обобщеніе такихъ явленій, какъ сознанаго закона, было невозможно: для этого въ обществѣ не доставало христіанскаго просвѣщенія. Вслѣдствіе внутренняго разъединенія общественнаго и отсутствія истиннаго познанія о вѣрѣ въ большинствѣ народа, разумъ не могъ уясниться, и древняя Русь не могла осуществить своего высокаго призванія и дать видимый образъ мысли и чувству, положенныхъ въ основу ея духовной жизни. Въ ней не доставало внутренняго единства и общенія и извнѣ ей не было добраго примѣра. Обращалась ли съ благоговѣйнымъ довѣріемъ къ Византіи, давшей ей начало просвѣщенія полнаго и цѣльнаго, она находила въ ней неумѣнье приложить это начало къ общежитію и легко могла принимать ложныя постановленія Римско-Византійскаго права за явленіе духа христіанскаго“. Вообще, „Византія, сохранивъ цѣльность и неприкосновенность христіанскаго начала, не могла, какъ мы уже знаемъ, дать ему приложенія въ бытѣ общественномъ. Наша древняя Русь, почувствовавъ эту потребность и отчасти даже выразивъ ее, не могла дать полноты своему выраженію по слабости духовнаго вѣрованія въ большей части ея жителей. То, что могло быть плодомъ цѣлой жизни, не могло возникнуть изъ жизни раздвоенной: а высшіе представители просвѣщенія, не имѣя никакого другаго примѣра, кромѣ Византіи, не могли дать настоящаго и сильнаго направленія смутному броженію разнородныхъ стихій. Въ мысли не доставало привычки и яснаго сознанія; въ людяхъ, составляющихъ общество, т. е. въ Русскомъ народѣ, *не доставало положительнаго христіанства*“.—Кромѣ Византіи въ сосѣдствѣ съ Русью находился еще Западъ и кочевой Востокъ. Но тамъ она могла найти и дѣйствительно „находила только уроки въ дикости и свирѣпости, которые, къ несчастію, не оставались безъ вліянія на чужеземный составъ или приливъ дружины. Вслѣдствіе этихъ причинъ, право измѣнялось постоянно и постепенно грубѣло въ своихъ граж-



данскихъ и особенно уголовныхъ положеніяхъ. Явленія Западной инквизиціи (напр., сожиганіе колдуновъ) вкрадывались иногда въ общество, исповѣдующее кротость чистой вѣры, — и законъ, нѣкогда дорожившій жизнію человѣка, какъ святымъ даромъ Бога-Спасителя, принималъ все болѣе и болѣе въ свои постановленія страшныя пытки и кровавыя казни, которыми исполнены наши юридическіе памятники XVIII вѣка. — *Въ древней Руси просвѣтительное начало не могло преодолѣть вещественныхъ препонъ, противопоставленныхъ ему разединеніемъ, и мысленныхъ преградъ, противопоставленныхъ невѣжествомъ*“¹⁾.

Дѣйствіе просвѣтительнаго начала на жизнь было не одинаково. „Большая часть сельскихъ міровъ приняла христіанство безъ яснаго пониманія его высокой святости; но ихъ кроткіе нравы и семейно-общинный бытъ, согласуясь съ его требованіями, освятились его благодатнымъ вліяніемъ и прониклись его живымъ духомъ“. Влія на развитіе *общественныхъ* добродѣтелей въ народной массѣ, просвѣтительный законъ мало способствовалъ развитію добродѣтелей *личныхъ*. Въ дружинѣ же было наоборотъ. „Далеко превосходя сельскихъ жителей знаніемъ и грамотностью, она стояла безспорно на высшей степени личной добродѣтели; но за то, будучи отлучена отъ живого и естественнаго общенія сельскаго міра, она стояла на гораздо низшей степени общежительнаго развитія“. Но ниже всѣхъ въ смыслъ духовнаго просвѣщенія стояло козачество. Стихія козацкая, „будучи оторвана отъ мірскаго быта и, слѣдовательно, отъ общежительнаго приложенія христіанства, и лишена того личнаго просвѣщенія, которое черпала высшая дружина изъ книжнаго ученія, и заражаясь безпрестанно дикостью жизни исключительно-военной и столкновеніемъ съ дикарями Азіи, представляла христіанство на самой низкой степени развитія“.

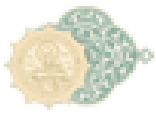
¹⁾ Ibid. 241—242; 235—236.



„Таково было нестройное и недостаточное состояніе духовнаго просвѣщенія въ старой Руси, несмотря на подвиги и труды дѣятелей и учителей въры во всѣхъ состояніяхъ и всѣхъ эпохахъ: и отъ этой нестройности и недостаточности происходило постепенное потемнѣніе и одичаніе во многихъ отношеніяхъ. тогда какъ соединеніе общества въ одно цѣлос было великимъ шагомъ впередъ и обѣщало, повидному, великое усовершенствованіе во всѣхъ направленіяхъ“¹⁾.

Но говоря о разрозненности, нестройности и безпорядочности историческихъ стихій, не слѣдуетъ забывать, что все это было въ практической жизни, а не въ томъ идеалѣ, къ которому эта жизнь должна была стремиться, не въ томъ законѣ, которому она должна была подчиняться и по которому она должна была строиться. Полнота и цѣльность унаслѣдованнаго Русью отъ Византіи христіанскаго закона оставались неприкосновенными; въ этомъ законѣ не было ни раздвоенія. ни даже зародышей его, „а другихъ началъ никогда не признавала Русская земля. Приложение безпрестанно является недостаточнымъ и ложнымъ, высшій законъ всегда сохраняетъ свою чистоту“; идеалъ никогда цѣликомъ не воплощается въ жизни и чѣмъ выше идеалъ, тѣмъ труднѣе его осуществленіе. Уклоненіе отъ нормы закона всегда возможно и естественно: но горе тому народу, который, забывъ святость закона, несовершенства жизни возводитъ въ законъ. На Руси этого не было. „Государство, скрѣпившись въ своемъ единствѣ для исполненія потребности разумной и неотвратимой, никогда не теряетъ изъ вида своего несовершенства и. сохраняя языкъ и чувство смиренія, не допускаетъ въ себя ни гордости. ни самоупоенія. Ему неизвѣстны ни древніе триумфы, ни торжества самодовольной силы, ни притязанія на святость, какъ въ святой (священной) Римской Имперіи. Русской землѣ не только неизвѣстна борьба, но даже недо-

¹⁾ Ibid. 242—243.



ступна мысль, подавшая поводъ къ борьбѣ государственнаго права, стремившагося управлять правдою церковною, съ церковною іерархіею, стремившемуся оторваться отъ тѣла Церкви и потомъ овладѣть правомъ государственнымъ. Русской землѣ извѣстно различіе состояній, болѣе или менѣе опредѣленныхъ и даже сословіи (дружины и земщины), но неизвѣстны ни вражда между ними, ни ожесточенное посяганіе одного изъ нихъ на право другого, ни оскорбительное пренебреженіе одного къ другому, раздражающее страсти человѣческія болѣе, чѣмъ вещественное угнетеніе... Жизнь историческая никогда не отрывалась отъ жизни общественной, и патріархъ могъ усмирять мятежныя волненія народа угрозою, что внесетъ повѣсть объ нихъ въ страницы обличительной лѣтописи. Монастыри обносились укрѣпленными оградами, но эти ограды назначались для защиты отъ иноплемениковъ, а не отъ единовѣрцевъ, какъ на Западѣ; епископы не завоевывали своей паствы силою оружія; духовные не бросались въ схватки боевыя съ тяжелыми палицами и не успокаивали своей совѣсти тѣмъ, что не проливаютъ крови человѣческой, а только дробятъ человѣческія головы. Въ народѣ пороки, слѣдствіе невѣжества или увлеченія страсти, не оправдывали себя предъ судомъ совѣсти или закона божественнаго призраками самозданныхъ законовъ, и никогда личное или общественное самозволеніе не наряжало себя въ мишурный блескъ мнимоправедной гордости. Роскошь не считала себя добродѣтельною; художество, хотя еще не вполне развитое, служило высокому началу и созидало памятники, въ которыхъ, не смотря на ихъ мелкіе размѣры, безпристрастное чувство узнаетъ полноту и внутренній міръ, чуждыя средневѣковому (готическому) стилю Германцевъ: но то же художество не отрывалось отъ своего законнаго источника и не искало самостоятельности, повидимому, возвышающей и дѣйствительно унизжающей все значеніе художественнаго стремленія, ибо она раздвояетъ художника въ его духовной сущности и убиваетъ въ немъ



человѣка. Наконецъ, какія бы ни были недоразумѣнія и какъ ни губительны были ихъ послѣдствія, законъ любви взаимной проникать или могъ проникнуть всѣ отношенія людей другъ къ другу: по крайней мѣрѣ они не признавали никакого закона, противнаго ему, хотя часто увлекались страстями или выгодами личными въ пути превратные, а иногда и преступные. Русской землѣ была чужда идея какой бы то ни было отвлеченной правды, не истекающей изъ правды христіанской, или идеи правды, противорѣчащей чувству любви¹⁾.

Словомъ, древняя Русь не была идеально совершенна; въ ней было много крупныхъ недостатковъ въ умственной, нравственной и общественной жизни; но въ ней были и свои достоинства; и вотъ эти то достоинства и свидѣтельствуютъ о высокомъ достоинствѣ закона, лежавшаго въ основаніи ея жизни: „не смотря на всю нестройность и дикость ея явленій“, въ ней „была внутренняя цѣльность жизни и законовъ, ея признаваемыхъ; и эта цѣльность зависѣла отъ полноты и цѣльности самаго просвѣтительнаго начала, сохраненнаго и переданнаго намъ мыслителями православнаго Востока“, а сущность этого начала, какъ мы уже знаемъ, состоитъ въ соединеніи идей единства и свободы посредствомъ закона любви. Хранителями цѣльности и полноты этого начала на Руси „были всѣ люди, старавшіеся сообразовать свои дѣйствія и мысли съ чистымъ ученіемъ вѣры. Главными же представителями были безспорно писатели и дѣятели духовные, отъ которыхъ осталось намъ такъ много (?) словъ поученія и утѣшенія, и та сѣть обителей и монастырей, которыми охвачена была вся святая Русь. Вся исторія нашего просвѣщенія тѣсно связана съ ними. Высшее духовенство любило науку и художество. Святой митрополитъ, основатель Московскаго первенства въ іерархическомъ порядкѣ, трудился своеручно надъ украшеніемъ храмовъ живописью. Св. Але-

¹⁾ Ibid. 244—246.



къѣй собирать съ любовью памятники древней словесности Эллинской. Св. Кириллъ переводилъ Галена, и эта связь вѣры съ наукою восходитъ до перваго озаренія Русской земли вѣрою Христовою. Монастыри, собирая богатые книгохранилища, тогда еще рѣдкія во всей Европѣ, служили разсадникомъ всякаго знанія“. Такъ что смѣло можно сказать встѣдъ за Кирѣевскимъ, что монастыри были нашими высшими духовными университетами, ибо „вліяніе иноческихъ обитателей и ихъ духовной жизни давало высшее направленіе всему просвѣщенію старой Руси... Бесѣда и, такъ сказать, видъ одинъ мужей, посвятившихъ всю жизнь свою созерцанію началъ вѣры (началъ по преимуществу цѣльныхъ и полныхъ) должны были возвращать къ равновѣсію и согласію всѣхъ душевныхъ силъ мысль и чувство членовъ мірскаго общества, которое, при постоянной необходимости приложенія (всегда несовершеннаго) духовныхъ законовъ къ жизни дѣйствительной и при постоянной борьбѣ съ разнородными стихіями, склонны терять свою разумную цѣльность и подпадать или производу страстей, или одностороннему вліянію, такъ называемаго, пракческаго разсудка“¹⁾.

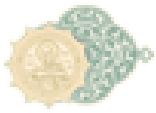
Итакъ, не подлежитъ сомнѣнію, что „были неразрушимыя опоры духовной цѣльности въ древней Руси. Отчего жъ просвѣщеніе не развилось полнѣе и не принесло всѣхъ своихъ плодовъ“? Раньше указано было три причины этого факта: 1) внутренняя общественная разьединенность, происходившая отъ сопоставленія и противопоставленія дружины и земщины, 2) противорѣчіе между естественнымъ стремленіемъ къ мѣстному обособленію и высшимъ стремленіемъ къ общему единенію и 3) не довольно глубокое проникновеніе православной вѣры въ нашу старую Русь. Къ этимъ причинамъ слѣдуетъ присоединить четвертую: „въ древней Руси

¹⁾ Ibid. 246—247.



разуму *недоставало сознанія*“. Вопросъ этотъ требуетъ обстоятельнаго разъясненія.

„Многіе унижаютъ сознаніе, утверждая, что только то, что человѣкъ творитъ безсознательно, представляетъ всю искреннюю полноту его жизни, будучи плодомъ всей его внутренней сущности, а не дѣломъ, часто обманывающаго, всегда холодящаго, а иногда мертвящаго разсужденія. Другіе, признавая сознаніе необходимымъ условіемъ всякаго дѣла разумнаго и нравственнаго, полагаютъ, что его не нужно искать по тому самому, что оно всегда присутствуетъ при всякомъ дѣйствіи человѣка, не ослѣпленнаго какою-нибудь страстью. Первымъ отсутствіе сознанія покажется скорѣе достоинствомъ, чѣмъ недостаткомъ, вторымъ—чистою невозможностью. Думаю, говоритъ Хомяковъ, что тѣ и другіе будутъ неправы. Первые смѣшиваютъ идею сознанія съ идеею предварительнаго и односторонняго разсужденія и не понимаютъ сознанія полнаго, присущаго всякой мысли, которая облакаетъ себя въ дѣло,—сознанія еще не отдѣляющагося, хотя и способнаго отдѣлиться, отъ дѣла. Это сознаніе, еще не уясненное, не опредѣлившееся для самого себя, не можетъ отсутствовать ни при какомъ дѣлѣ разумномъ; безъ него человѣкъ обращается просто въ одну изъ живыхъ силъ природы. движимыхъ невольными побужденіями и не подчиненныхъ никакому нравственному закону: онъ не человѣкъ. Онъ самъ не могъ бы понимать своего дѣла, если бы не сознавалъ его въ самое время совершенія; онъ находился бы, наконецъ, въ томъ незавидномъ состояніи, въ которое приводятъ людей инныя болѣзни, пьянство или крайній испугъ. Правда, часто называютъ безсознательными прекраснѣйшія явленія мысленнаго міра, какъ, напримѣръ, художественныя творенія; но въ этомъ случаѣ слово неясно выражаетъ мысль. Художникъ дѣйствительно имѣетъ полное сознаніе того, что хочетъ творить, и самое его твореніе есть только воплощеніе сознанаго. Если бы ваятель не зналъ и не видѣлъ передъ своимъ внутрен-



нимъ зрѣніемъ того Аполлона или Зевса, котораго онъ намѣренъ выбить изъ мрамора, гдѣ бы остановился его рѣзецъ? Онъ, очевидно, сталъ бы крошить камень, покуда остался бы хоть одинъ неискрошенный кусокъ. Предѣлъ работы опредѣляется предшествующимъ сознаниемъ. Художественная воля задумываетъ, художественное воображеніе созидаетъ, художественная критика сопровождаетъ и одобряетъ твореніе. Это, кажется, ясно. Итакъ, собственно-безсознательнымъ можно назвать только то разумное дѣло, въ которомъ не отсутствуетъ сознание, но въ которомъ оно не отдѣлилось и не получило самостоятельности; въ этомъ ограниченномъ смыслѣ, но только въ немъ, справедливо высокое уваженіе къ безсознательнымъ выраженіямъ волящаго разума или разумѣющей воли; ибо отдѣльная самостоятельность сознанія, законная послѣ дѣла, не должна ему предшествовать: иначе она обезсилитъ или убьетъ самое дѣло своею ограниченностью и склонностью къ разсудочной односторонности. Она послѣднее и замыкающее звено въ цѣпи духовныхъ явленій и не должна становиться на такое мѣсто, которое ей не слѣдуетъ. Это особенно явно въ произведеніяхъ художественныхъ, потому что они требуютъ полного согласія и стройности душевныхъ силъ и не допускаютъ извращенія въ послѣдовательности ихъ проявленія.

„Тѣмъ, которые изъ неизбежнаго присутствія сознанія при всякомъ разумномъ дѣйствіи человѣка заключаютъ, что его и искать не нужно, и что разумъ никогда не можетъ имѣть недостатка въ сознаніи, кажется, слѣдуетъ вникнуть глубже въ отношеніе сознанія къ разуму. Безъ сомнѣнія, оно всегда присутствуетъ при каждомъ его дѣйствіи, но не составляетъ всего разума, а имѣетъ особенное, себѣ принадлежащее, мѣсто въ постепенномъ развитіи его проявленій. Оно не зарождаетъ явленія, оно не образуетъ явленія, но, безъ сомнѣнія, вѣнчаетъ явленіе, признавая согласіе явленія съ мыслію. Какъ сила неотъемлемая отъ разума, оно при-



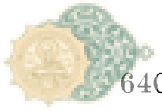
существует на всѣхъ степеняхъ дѣйствія; но какъ сила, уясненная и достигнувшая самостоятельности. оно является на послѣдней ступени. Имъ замыкается совершенная полнота разумнаго дѣйствія, и безъ него эта полнота еще не достигнута. Но жизнь человѣка на землѣ не есть еще жизнь разумная вполне; безпрестанно подчиненная законамъ, стремленіямъ и требованіямъ вещественнымъ и увлекаемая ихъ измѣнчивымъ разнообразіемъ, она даже въ частныхъ своихъ явленіяхъ рѣдко достигаетъ своей конечной полноты и рѣдко требуетъ отъ себя яснаго отчета. Такова причина, почему многія явленія, разумныя и дѣйствительно сознательныя, считаются безсознательными. Ихъ должно назвать *недосознанными*. Сверхъ того, по общему несовершенству нашей природы, несовершенство сопровождается самую мысль на всѣхъ степеняхъ ея развитія. Зарожденная или задуманная въ глубинѣ души, она никогда не можетъ выразиться или воплотиться вполне; выраженная, она не вполне переходитъ въ ясное сознаніе. Такъ, напримѣръ, художникъ никогда не осуществляетъ (даже въ своемъ воображеніи, еще менѣе въ видимомъ твореніи) всей красоты задуманнаго идеала; осуществивъ его, никогда не сознаетъ вполне отношенія своего произведенія къ своей первоначальной мысли. Отъ того то и случается такъ часто видѣть слабость художественной критики въ отношеніи къ собственнымъ твореніямъ, даже въ великихъ художникахъ. Геніальность же художника состоитъ только въ яснѣйшемъ воображеніи задуманныхъ идеаловъ, а геніальность критики - въ яснѣйшемъ сознаніи отношенія между произведеніемъ и первоначальною мыслью, которую оно назначено было выразить. Во всѣхъ разумныхъ дѣйствіяхъ человѣка повторяется, съ большею или меньшею ясностью, та же самая постепенность мысли, которую всего легче можно простѣдить въ дѣятельности художника. Наконецъ, есть другое высшее сознаніе. Всякое частное явленіе въ своемъ первоначальномъ зародышѣ связывается со всѣмъ безконечнымъ множествомъ



явленій. предшествовавшихъ ему, и съ ихъ законами. Высшее сознаніе, не довольствуясь отношеніемъ частнаго явленія къ частной мысли (его зародышу) старается постигнуть его отношеніе къ общему закону явленій, предшествовавшихъ ему или сопровождающихъ его. Такое сознаніе дано человѣческому несовершенству только въ весьма слабой степени.

„Мысль челоѣка, содержа въ себѣ начало проявленія и начало сознанія, проходитъ въ своемъ дальѣйшемъ развитіи двѣ степени: первую—степень опредѣленнаго проявленія, вторую степень опредѣленнаго сознанія. Первая идетъ отъ мысли непроявленной (что мы называемъ неизвѣстнымъ) къ проявленію; вторая возвращается отъ проявленія (слѣд. извѣстнаго) къ первоначальной мысли (неизвѣстному), которую она приводитъ въ извѣстность. Первая составляетъ область жизни и художества; вторая—область знанія и науки. Первая синтезъ; вторая—анализъ. Полнота духа заключается въ согласномъ и равномерномъ соединеніи обоихъ.

„Степени сознанія многообразны и неисчислимы. отъ низшей.—которая часто заключается въ простомъ наслажденіи предметомъ или согласіемъ его съ другими, до высшей—полнаго уразумѣнія самаго предмета или его согласія съ другими предметами. Для полнаго и совершеннаго развитія разума всѣ эти степени необходимы; но челоѣку дано только стремиться къ этому пути и не дано совершить его. Онъ всегда останавливается, или по слабости воли, или по слабости понятія, на полудорогѣ, и большее или меньшее число пройденныхъ имъ поприщъ опредѣляетъ сравнительную силу или недостатокъ сознанія. Разумѣется, чѣмъ полнѣе и многостороннѣе предметъ и проявленный въ немъ законъ, тѣмъ труднѣе подвигъ сознанія, и въ этомъ отношеніи ясно, что для нашей древней Руси онъ долженъ былъ быть гораздо труднѣе. чѣмъ на Западѣ, признававшимъ законъ односторонности и раздвоенія. Но вникнемъ еще далѣе. Опредѣленное проявленіе предшествуетъ опредѣленному сознанію; поэтому.



казалось бы, что законъ полной цѣльности могъ бы быть воплощенъ въ жизнь, не смотря на недостатокъ сознанія. Это можетъ быть, но не всегда. Проявленіе возможно при неуясненномъ сознаніи въ дѣлѣ отдѣльнаго человѣка и тѣмъ возможнѣе, чѣмъ менѣе человѣку встрѣчается потребности во внѣшнемъ мірѣ. Наприм., человѣкъ задумываетъ произведеніе художества словеснаго. Такъ какъ слово есть выраженіе духа самое внутреннее, самое свободное отъ внѣшности, произведеніе можетъ быть прекраснымъ при отсутствіи почти совершенномъ опредѣленнаго сознанія—критики. Человѣкъ задумываетъ произведеніе художества образовательнаго (пластическаго). Его первый и важнѣйшій трудъ есть воображеніе (совершенно ясное) своего будущаго творенія, второй—передача сознаннаго образа холсту и краскамъ, или мрамору и мѣди. Ясное воображеніе и сознаніе должны предшествовать второй минутѣ художественнаго труда. Художнику образовательному уже сознаніе необходимѣе, чѣмъ художнику слова. Державинъ ставилъ свои безсмысленныя драмы выше своихъ превосходныхъ одъ, но едва ли найдется ваятель или живописецъ, который не былъ бы хорошимъ цѣнителемъ своихъ произведеній. Человѣкъ, для проявленія какого бы то ни было закона разумаго или нравственнаго, не имѣетъ еще нужды въ опредѣленномъ сознаніи; но оно дѣлается необходимымъ условіемъ для проповѣди. Логическій разсудокъ, который составляетъ одну изъ важныхъ сторонъ сознанія, беззаконенъ, когда онъ думаетъ замѣнить собою разумъ или даже всю полноту сознанія, но имѣетъ свое законное мѣсто въ кругу разумныхъ силъ. Общество, проникнутое вполне однимъ какимъ-нибудь чувствомъ или одною мыслию, можетъ ихъ проявлять безъ полнаго сознанія; но въ такомъ случаѣ оно дѣйствуетъ, какъ живое и цѣльное лице. Но общество, состоящее изъ стихій, неравно или слабо проникнутыхъ какимъ-нибудь закономъ нравственнымъ, не можетъ уже проявлять его, если сознаніе не достигло зрѣлости и опредѣленности;

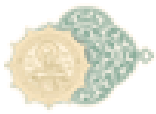


ибо тѣ немногіе или многіе, которые въ себѣ сосредоточиваюгь разумную силу закона, находятся въ такомъ же отношеніи къ остальному обществу, въ которомъ находится проповѣдникъ къ полупросвѣщенному слушателю, и почти въ томъ же, въ которомъ находится художникъ къ внѣшнему веществу. Ихъ разумная сила остается почти безплодною, если она не сопровождается яснымъ и опредѣленнымъ сознаниемъ. А такого сознанія не было и быть не могло въ древней Руси“. Почему? Потому, что хотя „духъ христіанства проникъ сельскій міръ, сосудъ, готовый къ его принятію“ и произвелъ тамъ свое дѣйствіе, но онъ остался чуждъ „болѣе просвѣщеннымъ представителямъ личнаго разумѣнія вѣры, по весьма понятной причинѣ: они принадлежали другой стихіи, вслѣдствіе раздвоенія между дружиною и земщиною, и между стремленіемъ къ обще-Русскому единенію, съ одной стороны, и къ обособленію мѣстному, съ другой. Слѣдовательно для нихъ оставались доступными почти исключительно только тѣ стороны всеобъемлющаго просвѣтительнаго начала, которыя уже получили и проявленіе и сознаніе въ просвѣтившей насъ Византіи“. Другими словами: носительницею духа христіанства была земская община, а представительницею умственнаго развитія была дружина; вслѣдствіе того, что дружина не составляла съ земщиною одного органическаго цѣлаго, она и не могла быть, такъ сказать, истолковательницею жившаго въ общинѣ христіанскаго духа: мысль дружины не была мыслию земской общины. Духъ христіанства есть духъ любви; онъ живетъ тамъ, гдѣ есть общеніе душъ, проникнутыхъ взаимною любовью. Въ виду этого понятно, почему духъ христіанства нашелъ въ земской общинѣ „готовый сосудъ“ и почему онъ остался чуждъ дружинѣ съ ея личною разрозненностью. Не будучи въ состояніи проникнуться христіанскимъ духомъ, дружина могла воспринять только тѣ плоды, которые принесло христіанство на Византійской почвѣ; а Византійское просвѣщеніе, какъ уже

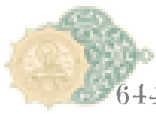


мы знаемъ, не было истиннымъ выраженіемъ христіанскихъ началъ. Ясно, что при такихъ условіяхъ высшій классъ общества не могъ быть тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть, т. е. онъ не могъ быть выразителемъ народнаго сознанія, а безъ этого онъ не могъ быть руководителемъ и направителемъ народной жизни. Результатомъ всего этого было то, что „духъ цѣльнаго просвѣщенія не могъ побѣдить вещественныхъ препопъ, и исторія древней Руси, свидѣтельствуя, съ одной стороны, о великихъ и спасительныхъ шагахъ впередъ, которыми мы обязаны почти единственно православію, должна была свидѣтельствовать и дѣйствительно свидѣтельствуешь о множествахъ искаженій въ нравѣ и жизни, объ одичаніи и паденіи, которымъ объясняется позднѣйшее стремленіе къ началамъ чужимъ и иноземнымъ. Свое, высокое и прекрасное, было не ясно сознано; истинно доброе у иноземцевъ (наука) было ясно, а мнимо-доброе было исполнено соблазновъ“.

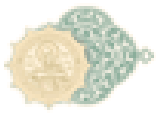
Чтобы лучше уразумѣть сказанное, необходимо яснѣ представить себѣ взаимное отношеніе между сознаніемъ логическимъ, т. е. разсудочною мыслію, и сознаніемъ живымъ. „Знаніе логическое опредѣляетъ въ разсудкѣ только внѣшность предмета или мысли и внѣшность ихъ отношеній къ другимъ; полное и живое сознаніе опредѣляетъ въ самомъ разумѣ сущность предмета или мысли и ихъ внутреннія отношенія къ другимъ. Но сознаніе живое, безъ опредѣленнаго знанія логическаго, требуетъ постоянной цѣльности и неизмѣняемаго согласія въ душѣ человѣка; а человѣкъ, твореніе слабое и шаткое, тѣнивое умомъ и дряхлое волею, постоянное иградище страстей своихъ п чужихъ, жертва всякаго соблазна жизненнаго и нагнета историческаго, не можетъ почти никогда удерживать въ себѣ душевнаго согласія и никогда не долженъ быть увѣреннымъ, что удержать его. При всякой душевной тревогѣ и нарушеніи внутренней цѣльности, образъ и очеркъ живаго сознанія волнуются и мутятся. Тогда якоремъ спасенія и опоры является частное логи-



ческое сознание, которое, при всей своей неполнотѣ, имѣетъ рѣзкую и твердую опредѣленность, неподвластную страсти вслѣдствіе самой своей отвлеченности; тогда заговоритъ оно своимъ строгимъ и неизмѣннымъ голосомъ, какъ внѣшній законъ, недостаточный для всѣхъ требованій духа, но возвращающій его къ полному и внутреннему закону, временно помраченному. Односторонняя вѣра въ логическое знание мертвитъ истинный разумъ и ведетъ къ самоосужденію логическаго разсудка, какъ мы видѣли изъ всей исторіи Западнаго просвѣщенія; но отсутствіе или неопредѣленность логическаго знанія въ развитіи историческомъ отнимаютъ у жизни и убѣжденія ихъ разумную послѣдовательность и крѣпость. Вотъ почему, говоря словами Кирѣевскаго, „иногда Русскій человѣкъ, сосредоточивая всѣ свои силы въ работѣ, въ три дня можетъ сдѣлать болѣе, чѣмъ осторожный Нѣмецъ въ тридцать“. и почему „часто для Русскаго человѣка самый ограниченный умъ Нѣмца, размѣряя по часамъ и табличкамъ мѣру и степень его трудовъ, можетъ лучше, чѣмъ онъ самъ, управлять порядкомъ его занятій“. Это зависитъ, очевидно, не отъ недостатка въ руководителѣ внѣшнемъ, который самъ подверженъ тѣмъ же волненіямъ, но отъ недостатка въ руководителѣ внутреннемъ, строго и логически сознаваемомъ законѣ, укрѣпляющемъ шаткую волю. Явленія частной жизни повторяются въ большемъ размѣрѣ въ исторіи народовъ: цѣлые миллионы людей съ ихъ всемірною дѣятельностью, съ ихъ торжествами и героями, съ ихъ громами и славой, представляютъ разуму развитіе тѣхъ же умственныхъ силъ, которыя бѣдный ремесленникъ проявляетъ въ своемъ житейскомъ быту. Песчинка или планета, или солнце, всѣ созданы и очерчены тѣмъ же всемогущимъ перстомъ и подчинены одному общему для всѣхъ закону. Высокія дѣла, слова, которыхъ одно воспоминаніе заставляетъ наше сердце биться съ гордою радостью, прекрасныя и истинно человѣческія учрежденія, умиленные черты изъ частнаго быта свидѣ-



тельствуютъ о присутствіи и живомъ сознаніи всецѣлаго и совершенно просвѣтительнаго начала въ нашей старой Руси. Шаткость и непослѣдовательность, безпрестанное искаженіе и одичаніе права уголовного и отчасти гражданскаго, наконецъ, расколы и послѣдовавшее за ними отпаденіе отъ древнихъ и истинныхъ началъ, свидѣтельствуютъ объ отсутствіи логическаго опредѣленія понятій. Оно выдается съ особою яркостью, именно въ скорбномъ появленіи старообрядческихъ расколовъ. Никто не будетъ оспаривать добросовѣстности и разумной ревности многихъ изъ первыхъ раскольниковъ, а они заблуждались. Почему же? Издревле и всѣмъ сердцемъ чувствовалъ народъ благодатное вліяніе ученія православнаго и его обрядовъ, которыхъ частнаго измѣненія онъ не замѣчалъ. Имъ жилъ онъ во всей глубинѣ своей мысленной жизни, но логическое различіе между ученіемъ и обрядомъ было ему неизвѣстно; ему неизвѣстна была церковная свобода въ отношеніи обряда. Наступило время для исправленія вкравшихся ошибокъ или отмѣны безполезныхъ формъ, и значительной части народа показалось, что посягаютъ на самый корень его духовной жизни, на все ея духовное сокровище, и она впадала въ тотъ еще неисцѣленный расколъ, который разрываетъ внутренній миръ нашего великаго семейства и который такъ горестенъ для всѣхъ православныхъ и, смѣло скажу, для самихъ раскольниковъ, не смотря на ихъ слѣпое и къ несчастію, часто гордое упорство. Но расколъ, явленіе сравнительно новое, указываетъ на старую неясность понятій. То же самое было и въ общежительствѣ и въ обычаяхъ, хотя выражалось съ меньшею ясностью. Такова важность логическаго опредѣленія. Его отсутствіе выразилось у насъ въ общественной жизни древней Руси; необходимость же его ярко засвидѣтельствована исторіею самой (вселенской) Церкви. Являлись ереси, и милліоны увлекались въ обманъ. Собирались соборы и, одаренные духомъ Божиимъ, объявляли ясное опредѣленіе Апостольскаго ученія, и соблазнъ явившейся

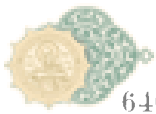


ереси исчезалъ безвозвратно для членовъ Церкви православной; и изъ ряда соборныхъ опредѣленій, признанныхъ Церковью, составилось исповѣданіе вѣры, ея несокрушимый щитъ для всѣхъ временъ“.

Итакъ, поставленный вопросъ: „почему, при гораздо высшемъ началѣ, не опередила древняя Русь Запада и не стала во главѣ умственнаго движенія въ человѣчествѣ“, — рѣшается безпристрастнымъ признаніемъ въ томъ: *„что самое просвѣтительное начало, по своей всесторонности и полнотѣ, требовало для своего развитія внутренней цѣльности въ обществѣ, которой не было, и что этой цѣльности не могло оно дать ни рывка ни пути ни вслѣдствіе неполнаго понятія о православіи въ значительной части людей, составляющихъ Русскій народъ, и недостатка опредѣлительнаго сознанія во всѣхъ“*¹⁾.

Такъ смотритъ Хомяковъ на исторію и просвѣщеніе нашей до-Петровской Руси. Полагая, вслѣдъ Кирѣевскимъ, въ основаніе древне-русской жизни *православіе*, Хомяковъ видитъ въ немъ просвѣтительное начало, отличающееся полнотою, цѣльностью и всесторонностью. Выходя изъ этого положенія, оба эти мыслители естественно останавливаются надъ вопросомъ: совершенное начало должно было принести совершенные плоды; такъ ли это было на дѣлѣ? Кирѣевскій не задумался отвѣтить на этотъ вопросъ утвердительно: христіанское ученіе въ древней Руси, если брать ее во всемъ объемъ ея общественнаго и частнаго быта, выразилось, по его мнѣнію, *„въ полнотѣ и чистотѣ“*; но „чистота выраженія такъ сливалась съ выражаемымъ духомъ, что чело-вѣку легко было смѣшать ихъ значительность, и наружную форму уважать наравнѣ съ ея внутреннимъ смысломъ“; отсюда слабыя стороны древне-русской жизни. Хомяковъ находитъ, что *„велико это слово“* и произнести его онъ не

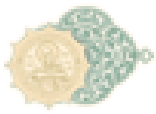
¹⁾ Ibid. 247—257.



рѣшился. Не умаляя свѣтлыхъ сторонъ древней Руси, онъ не скрываетъ и темныхъ ея сторонъ; причины же послѣднихъ онъ ищетъ не въ полнотѣ и чистотѣ выраженія христіанскаго начала, а наоборотъ: въ слабомъ проникновеніи въ жизнь этого начала, что объясняетъ историческими условіями. „Просвѣтительное начало, по своей всесторонности и полнотѣ, требовало для своего развитія внутренней цѣльности въ обществѣ, *которой не было*“. Правда, этотъ недостатокъ легко могъ быть восполненъ развитіемъ „опредѣлительнаго сознанія“; но и этого не было.

Въ виду того важнаго значенія, какое придавалъ Хомяковъ до-Петровскому періоду въ общемъ ходѣ нашего историческаго развитія, а также въ виду того вниманія, съ какимъ почти всѣ наши выдающіеся историки останавливались на этомъ періодѣ, теперь естественно будетъ остановиться и опредѣлить, какое мѣсто принадлежитъ Хомякову въ процессѣ развитія нашей исторіографіи и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлать оцѣнку его изложенныхъ взглядовъ.

Если не вдаваться въ частности, и характеристику развитія нашей исторической науки изобразить въ немногихъ словахъ, то дѣло представится въ такомъ видѣ. Древнѣйшій періодъ нашей исторіографіи до Карамзина включительно въ методологическомъ отношеніи характеризуется, съ одной стороны, преобладаніемъ литературно-дидактическаго элемента надъ научно-критическимъ, съ другой стороны—внѣшняго прагматизма надъ началомъ законмѣрности. Попытки представить ходъ событій въ ихъ естественномъ генетическомъ развитіи и слѣда нѣтъ не только у Татищева, но и у Ломоносова, у кн. Щербатова и даже у Карамзина. Разсматриваемые со стороны содержанія, труды этихъ историковъ представляютъ исключительное преобладаніе государственнаго элемента надъ другими сторонами быта. Исключеніе можно было бы сдѣлать развѣ въ пользу Болтина; но этотъ талантливый дилеттантъ долго не находилъ себѣ у насъ послѣдователей.



Тѣмъ не менѣе исторія Карамзина, когорую оканчивается этотъ періодъ, не смотря на всѣ свои недостатки, благодаря значительному успѣху автора въ дѣлѣ примѣненія научно-критическихъ пріемовъ, а главное—благодаря выдающемуся литературному таланту его,—была крупнымъ явленіемъ въ свое время. Одни ее хвалили, другіе бранили; но ничего лучшаго долго никго не могъ создать, и непосредственно слѣдующіе за „Исторіей Государства Россійскаго“ труды имѣютъ въ исторіи нашей науки лишь переходное знаніе. Это переходное время характеризуется попыткой примѣнить къ разработкѣ нашей исторіи критическихъ пріемовъ и историко-философскихъ идей, выдвинутыхъ знаменитыми европейскими учеными, особенно Нибуромъ и Гизо. Недостатокъ общей серьезной научной подготовки, съ одной стороны, довольно поверхностное отношеніе къ воспринятымъ извнѣ руководящимъ идеямъ и къ изучаемому научному матеріалу, съ другой стороны, были причиною того, что эта попытка нашихъ ученыхъ воспользоваться плодами европейскій учености дала на первыхъ порахъ слабые результаты: въ области критики источниковъ она разразилась *скептической* школой Каченовскаго. въ области примѣненія историко-философскихъ идей—„Исторіей русскаго народа“ Полеваго. Легкомысліе въ примѣненіи пріемовъ Нибура къ оцѣнкѣ нашихъ древнѣйшихъ лѣтописей, искусственность и тенденціозность въ освѣщеніи многихъ явленій въ нашей древней жизни вызвали реакцію противъ этого направленія, болѣе замѣтнымъ представителемъ которой явился Погодинъ. Съ цѣлію указать законное мѣсто лѣтописи среди другихъ источниковъ и возратить научную мысль къ болѣе трезвому обслѣдованію научныхъ данныхъ, Погодинъ отдался сухимъ, кропотливымъ, чисто экзегетическимъ разысканіямъ въ области нашей древней исторіи, прибѣгая, къ такъ называемому, *математическому* методу, въ которомъ онъ видѣлъ дѣйствительное средство для борьбы съ научнымъ произволомъ.



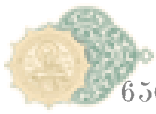
Но въ то время, какъ шла эта работа въ верхнихъ слояхъ—если можно такъ выразиться—теченія нашей научно-исторической мысли, въ нижнихъ ея слояхъ производилась работа Румянцевскаго кружка, поставившаго главною своею задачею разысканіе, изданіе и первоначальную разработку новыхъ научныхъ матеріаловъ. Въѣсть съ этимъ, обогащаясь свѣжими фактическими данными, наши молодые ученые продолжали слѣдить за движеніемъ европейской научной мысли частію по трудамъ работавшихъ у насъ нѣмецкихъ ученыхъ, особенно Шлецера, частію путемъ непосредственнаго ознакомленія съ сочиненіями и лекціями европейскихъ знаменитостей. Слѣдствіемъ этого новаго движенія научной мысли было появленіе у насъ, такъ называемой, *исторической школы*, самыми крупными представителями которой на первыхъ порахъ явились Соловьевъ и Кавелинъ. Выдвинувъ принципъ органическаго *развитія*, подчиненнаго началу *закономѣрности*, Соловьевъ задался цѣлью освѣтить ходъ нашей древней исторіи съ точки зрѣнія одного начала: такимъ началомъ признано было начало *родовое*, постепенно смѣнившееся началомъ *государственныиъ*. Констатировать фактъ проявленія родового начала въ до-Московскій періодъ нашей исторіи и прослѣдить процессъ смѣны его началомъ государственнымъ Соловьевъ поставилъ главною задачею и своихъ первыхъ диссертаций и первыхъ томовъ своей „Исторіи Россіи“.

Хомяковъ былъ современникомъ Соловьева. Въ виду этого естественно возникаетъ вопросъ: въ какомъ же отношеніи стоялъ онъ къ исторической школѣ? Общій отвѣтъ на этотъ вопросъ уже данъ былъ выше при общей характеристикѣ методологическихъ воззрѣній Хомякова. Самъ пропагандируя идеи *развитія* и *закономѣрности*, онъ выступилъ врагомъ той прямолинейности, съ какою историческая школа, искажая и насилуя живую дѣйствительность, примѣняла начало развитія къ объясненію историческаго процесса. Осуждая крайности исторической школы, Хомяковъ такъ ха-



рактизуетъ свое собственное направленіе: „Это направленіе не восхищается всякимъ историческимъ періодомъ. Оно знаетъ, что исторія народа, какъ развитіе чловѣка, имѣетъ свои временныя отклоненія (иногда весьма продолжительныя); что ея дѣятели вступаютъ иногда на ложные пути, увлекая за собою всѣ правящія обществомъ силы; что иногда направленіе, не вполнѣ ложное, бываетъ и неправымъ и ложнымъ вслѣдствіе своей односторонности и неразумнаго отношенія къ другимъ, временно пренебрегаемымъ требованіямъ и силамъ народа; что не всегда позднѣйшее бываетъ лучшимъ, а современное не всегда вѣрнымъ закону внутреннему, лежащему въ основѣ развитія правильнаго, и что, наконецъ, часто слѣдуетъ въ прошедшемъ отыскивать тѣ разумныя начала, которыя, будучи временно затаены или отстранены отъ дѣятельности, должны еще (по счастливому выраженію г. Самарина) изъ прошедшаго прорости въ будущее“¹⁾... Такой взглядъ Хомякова находится въ тѣсной связи съ его широкимъ взглядомъ на факторы, подъ воздѣйствіемъ которыхъ совершается процессъ историческаго развитія. На ходъ исторической жизни каждаго народа, по мнѣнію Хомякова, имѣютъ вліяніе слѣдующіе факторы: 1) этнографическій типъ народа (раса), вынесенный имъ изъ прародины, выработанный еще въ колыбели и придающій специфическій оттѣнокъ всей послѣдующей жизни, окрашивая ее въ свой особый цвѣтъ; 2) физическая природа, создающая внѣшнія условія, среди которыхъ народу приходится жить и дѣйствовать, преодолевая ихъ или подчиняясь имъ; 3) характеръ воздѣйствія сосѣднихъ народовъ, съ которыми ему приходится вступать въ мирныя или враждебныя отношенія; 4) вѣра, въ которой, какъ въ высшемъ синтезѣ, концентрируются всѣ совершенства духовной природы чловѣка, какъ существа разумно-нравственнаго; 5) сила жизни, самобытно развивающаяся изъ

¹⁾ Сочин. т. I, стр. 631.



своихъ органическихъ первоосновъ и являющаяся центральнымъ двигателемъ исторической эволюціи; 6) сила личности, дѣйствующей по мотивамъ, выходящимъ изъ средоточія ея внутренняго „я“,—сама ничего не создающая въ собственномъ смыслѣ слова, но волнующая своей энергіей жизнь и намѣчающая своей инициативой пути движенія постѣдней, освѣщая ихъ свѣтомъ своего сознанія.—Само собою разумѣется, что надъ всѣми этими факторами царитъ всемогущая и премудрая воля Божія, направляющая міровую жизнь сообразно съ своими высшими цѣлями. Понятно, что при такомъ широкомъ взглядѣ на условія развитія историческаго процесса, Хомяковъ не могъ примириться съ направлениемъ, которое въ ходъ историческихъ событій пыталось ввести принципъ діалектически-правильнаго развитія, не признающаго ничего свободнаго, живого, оригинальнаго, напротивъ все подчиняющаго мертвенности своего логически-сухого схематизма. Привѣняя точку зрѣнія исторической школы къ оцѣнкѣ дѣятельности Петра В. и пытаясь довести значеніе его личности до минимума, Соловьевъ выдвинулъ слѣдующее общее положеніе: „У народовъ историческихъ великій дѣятель есть *полный* представитель своего народа въ извѣстную эпоху и т. д.“. „Напротивъ, *никогда не полный*, возражаетъ Хомяковъ: ни Александръ, ни Юлій, ни Петръ, ни Фридрихъ не были полными представителями своихъ народовъ. Они представляли только нѣкоторыя стороны ихъ жизни и были только отчасти исполнителями ихъ потребностей. Въ этомъ состоитъ и ихъ великое значеніе, и возможность дальнѣйшаго развитія исторіи. Петра называть *полнымъ* представителемъ потребностей Русскаго народа покажется, думаю, не малымъ преувеличеніемъ всякому безпристрастному читателю... Пусть г. Соловьевъ попробуетъ показать эту полноту въ отношеніи *хоть сельскаго сословія*, которое едва-ли можетъ исключить изъ народа... Но скажутъ, что г. Соловьевъ прибавилъ „въ извѣстную эпоху“. Опять неправда въ отношеніи къ цѣлому



народу; а если бы и было правдою, то самое это ограниченіе оправдало бы и историческую критику, которая въ односторонности временнаго требованія не признаетъ права на опредѣленіе требованія постояннаго. Потому г. Соловьевъ, въ доказательство того, что Петръ не могъ личнымъ насиліемъ измѣнить направленіе Россіи ¹⁾, говоритъ: „Историческій народъ не допускаетъ дѣятелей, подобныхъ Гуннскимъ и Татарскимъ, Атиламъ, Чингисамъ, Тимурамъ“. Подобныхъ, конечно, нѣтъ, потому что народы не подобны; но далѣе сказано: „которые силою своей воли увлекаютъ народныя массы и т. д.“. Итакъ, Чингисъ и Тимуръ не представители своихъ народовъ, они насильники *своего* народа и цѣлый рядъ этихъ страшныхъ завоевателей въ продолженіе 11-ти вѣковъ отъ хана Тобы до Шайбана и Бабера—случайность, а не выраженіе цѣлаго племени (ибо дѣло идетъ объ отношеніи человѣка къ своему народу, а не о призваніи самихъ народовъ)! Очень недурно для историка: вотъ куда ведутъ общія мѣста“!

Точно также не согласенъ Хомяковъ и съ отношеніемъ Соловьева къ Іоанну Грозному, особенно съ его тенденціей ступшевать особенности личности этого государя и объяснить его свирѣпыя казни *борьбою* съ боярами, понимаемой въ смыслѣ борьбы представителя новаго порядка вещей съ представителями стараго порядка. „Мертвенность всего взгляда, говоритъ Хомяковъ, отомстила за себя автору въ крайней мертвенности самой исторіи и особенно того царствованія, которымъ завершается все правленіе Рюрикова дома. Лицо самого Іоанна до такой степени безцвѣтно и призрачно, что, по справедливому замѣчанію К. С. Аксакова, чуть-чуть не остается подъ сомнѣніемъ, былъ-ли онъ болѣе одного разу подъ брачнымъ вѣнцомъ... За то царствованіе Іоанна имѣетъ другое значеніе у г. Соловьева. Это борьба противъ бояр-

¹⁾ Самъ Хомяковъ, какъ увидимъ ниже, не приписывалъ Петру такой роли



ства. К. С. Аксаковъ справедливо замѣтилъ, что казни безъ сопротивленія не совсѣмъ правильно названы борьбою; но важнѣе этого замѣчанія вопросъ; противъ чего же собственно въ боярствѣ боролся Іоаннъ? Мы знаемъ борьбу королей на Западѣ противъ великихъ вассаловъ; но мы знаемъ также, противъ чего и за что боролись они. Мы знаемъ не только постоянныя послушанія вассаловъ и постоянныя ихъ притязанія на самостоятельность, но еще и опеки, налагаемыя вооруженною рукою на королей, и союзы для общаго блага (*du bien public*), и осады столицъ, и бѣгство, и плѣны королевскіе. Что же подобнаго въ Россіи? Нѣтъ ни слѣда возстанія, ни слѣда заговора, ни слѣда даже послушанія (конечно, противъ Іоанна въ зрѣломъ возрастѣ). Гдѣ же права, гдѣ силы, противъ которыхъ вооружался Іоаннъ не мечемъ, которымъ онъ никогда не умѣлъ и не смѣлъ владѣть, а колами, кострами и котлами? Права мѣстничества? Но при Іоаннѣ весьма рѣдко является повелѣніе быть безъ мѣстъ: споры мѣстническіе рѣшаютъ сами бояре, а крайне рѣдкіе случаи нарушенія законовъ мѣстническихъ, въ пользу какого-нибудь любимца, являются простымъ разгуломъ деспотическаго фаворитизма, нисколько даже не указывая на неуваженіе царя къ общимъ правиламъ, выше которыхъ онъ вовсе и не хотѣлъ становиться. Права помѣстныхъ и вотчинныхъ? Но они никогда не бывали обращаемы во зло противъ царской власти, и никогда Іоаннъ не ратовалъ противъ системы, изъ которой они истекали. Право отъѣзда? Да оно никогда не существовало. Такъ называемое право отъѣзда было только правомъ переѣзда внутри Русской земли. Если бы г. Соловьевъ понялъ особенности той земли, которой исторію онъ писалъ, онъ бы замѣтилъ, что слова лѣтописца: „мы одинъ народъ, потому что крещены въ одного Христа“, были выраженіемъ всегдашняго и преобладающаго Русскаго чувства. Къ Татарамъ не отъѣзжаютъ, къ Шведамъ не отъѣзжаютъ, въ Польшу не отъѣзжаютъ. Отъѣзжаютъ въ Литву, потому что она русская



и православная. Литва сдѣлалась польскою и не-православною *по своимъ преобладающимъ началамъ*, и право отъѣзда прекратилось само собою. Некуда. Ни Курбскій не говоритъ о немъ, ни Іоаннъ; а кому же было и знать про это право, какъ не тѣмъ, которые объ немъ спорятъ? Курбскій *бѣжалъ*, а не отъѣзжалъ: онъ ищетъ оправданія въ общечеловѣческомъ правѣ самосохраненія, а не въ мѣстномъ и дружинномъ правѣ отъѣзда. Но боярскія заручныя? Тотъ, кто знаетъ сколько-нибудь тогдашнюю Русь, знаетъ также, что она вся стояла на взаимномъ поручительствѣ: таковъ былъ ея гражданственный смыслъ, основанный на ея общемъ характерѣ. Заручныя по большей части служили не ограниченіемъ права, отъ котораго кто-либо отказывался, а огражденіемъ другого признаннаго права, которое кто-нибудь обязывался не нарушать. Вся земля почти во всѣхъ своихъ подробностяхъ была основана на взаимной порукѣ и отвѣтственности подразумеваемой или высказываемой. Право отъѣзда при Іоаннѣ—чистая выдумка (отъѣзда, а не бѣгства), и я повторяю, что не было въ боярствѣ ни одного права, ни одной силы, противъ которыхъ пришлось бы бороться Іоанну; что Іоаннъ никогда у собора земскаго не просилъ помощи для борьбы, и что самая борьба есть опять чистая выдумка, ни на чемъ не основанная. Правда, что короли на Западѣ боролись противъ сильныхъ вассаловъ, и что историки рассказали намъ эту борьбу; но не слѣдовало къ намъ переносить явленія иноземныхъ исторій. Здѣсь то именно и показывается ошибочность теоріи г. Соловьева¹⁾...

Наряду съ недостаткомъ, вытекающимъ изъ самого существа исторической школы, Хомяковъ обличаетъ исторію Соловьева и въ другомъ недостаткѣ, который зависѣлъ отъ *односторонности* взгляда ея автора на сравнительное значеніе разныхъ сторонъ народной жизни и отъ неодинаковаго

¹⁾ Ibid., стр 627—629.



вниманія къ многимъ изъ нихъ. „Приступая къ исторіи, еще недостаточно подготовленной отдѣльными изслѣдованіями, говоритъ Хомяковъ, онъ (Соловьевъ) съ намѣреніемъ или безсознательно ограничился одностороннимъ взглядомъ. Онъ рассказываетъ не исторію Россіи, даже не исторію Государства Русскаго, а только *исторію государственности* въ Россіи... Это сборъ официальныхъ столбцовъ исторической лѣтописи, подведенной подъ нѣкоторую систему. Должно прибавить, что есть и не официальная часть, слишкомъ мало обдѣланная; но она не связана никакою живою связью съ официальнымъ отдѣломъ, такъ же, какъ водится въ современныхъ газетахъ. Послѣдовательность кое-гдѣ видна, жизни нигдѣ“ ¹⁾. Вообще исторіи Соловьева, по мнѣнію Хомякова, нельзя отказать въ недостаткѣ „документальности“, но ей не достаетъ того, что называется *органическимъ смысломъ*. Этотъ недостатокъ проглядываетъ уже на первыхъ страницахъ его исторіи, въ самой первой точкѣ отправленія его исторической системы: не обращая вниманія на то, что у насъ еще до призванія Варяжскихъ князей существовалъ цѣлый рядъ городовъ, предполагающихъ извѣстную общественную организацію и признавая, что Славяне все еще жили въ родовомъ быту, Соловьевъ не въ состояніи былъ сколько нибудь разумно объяснить, какимъ образомъ могъ появиться на сѣверѣ союзъ племенъ, пришедшій къ мысли призвать иноземнаго князя. У него это выходитъ какъ то неожиданно: „вдругъ очнулись разрозненные роды на пространствѣ земли въ полѣ-Франціи и зовутъ себѣ общаго властелина или князя. Прямо перескочили они черезъ временныя коалиціи мѣстныхъ, черезъ мѣстныя племенные правленія къ обширной конфедераціи въ самой строгой формѣ. И все почему? Потому что Варяги нѣсколько времени сидѣли въ Новгородѣ бродячею шайкою. Были ли они даже въ Кривичахъ и въ землѣ Суз-

¹⁾ Ibid., стр. 630.



дальской и Ростовской, неизвѣстно. Тутъ всякое слово противно историческому смыслу.

„Потомъ движется потокъ Русской исторіи на Югъ. Тамъ опять родовой бытъ. Дѣла нѣтъ, что нигдѣ въ лѣтописи не упоминается ни одинъ родъ¹⁾, что нѣтъ ни одного родового прозвища (кромѣ эпонимовъ въ Вятичахъ и Радимичахъ); что родство по браку гораздо богаче опредѣлительными (обще-Иранскими) названіями, чѣмъ родство кровное, которое очень бѣдно этими названіями; что въ Русской Правдѣ мѣсть ограничена тѣснымъ кругомъ семьи; что въ томъ же памятникѣ всѣ дѣленія по состояніямъ и мѣстностямъ, а ни одного нѣтъ по роду; что въ договорахъ съ Греками дѣленіе дани идетъ *по ключамъ*,—весьма употребительному дѣленію сельскихъ общинъ на Сѣверѣ и на Югѣ Россіи. отчасти до нашего времени... Ни до чего дѣла нѣтъ нашему историку. Родовой бытъ избавляетъ отъ изслѣдованій. Да здравствуетъ же родовой бытъ!“

Съ такимъ же отношеніемъ къ дѣлу встрѣчаемся и при дальнѣйшемъ изложеніи хода событій. „Исторія идетъ своимъ путемъ. Крѣпче слагается государственная и административная система, является *зелищина съ общинною жизнію*, и вопросъ объ общинѣ, ея происхожденіи, ея характерѣ и жизни, не пришелъ на умъ историку... Развивается *помѣстное право* съ его разнообразіемъ и безконечными преломленіями въ жизни городовъ, селъ и сословій. И того не замѣтилъ историкъ. Вотъ отъ чего и могла постѣ его творенія еще явиться въ свѣтъ странная ошибка г. Чичерина, не различавшаго въ княжескихъ завѣщаніяхъ права помѣстнаго и отчиннаго отъ права государственнаго.—Движется *самобытное просвѣщеніе народное* подъ вліяніемъ духовнаго начала, то возвышаясь и богатѣя, то скудѣя и падая, то отклоняясь въ ино-

¹⁾ Выраженіе лѣтописца: „Поляномъ же живущемъ... *роды своими*“ Хомяковъ понимаетъ въ смыслѣ родственными группами, т. е. семьями.

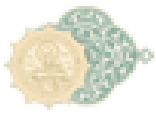


родныя и чуждыя направленія. Это опять, не обратило вниманія историка.—Проходятъ великая борьба Москвы съ удѣлами и время собранія государственнаго къ одному средоточію, и читатель не знаетъ, какія *живыя силы* въ общемъ составѣ народа Русскаго *противились новой эпохѣ, или содѣйствовали ей* (кроме духовенства, о которомъ уже говоритъ Карамзинъ).—Выступаетъ съ важнымъ значеніемъ въ исторіи учрежденіе странное и единственное въ мірѣ, учрежденіе въ высшей степени характеристическое—*мѣстничество*; и г. Соловьевъ довольствуется, для объясненія его, словомъ „родовой бытъ“, не замѣчая, что мы не видимъ ни малѣйшихъ слѣдовъ мѣстничества ни въ Новгородѣ, ни въ Псковѣ, и что вся земля не мѣстничалась...

„Такимъ образомъ обойдены всѣ *живые вопросы* въ исторіи; объ общемъ смыслѣ всей ея совокупности и говорить нечего. Читатель изъ всего чтенія выноситъ одно сомнѣніе: была-ли бы для человѣчества какая-нибудь утрата, если бы все пространство отъ Чернаго моря до Бѣлаго и отъ Нѣмана до Урала оставалось пустынею, населенною бродячими Вогулами, Остяками или даже медвѣдями? Самъ авторъ пришелъ къ тому же выводу, объявивъ, что весь девятисотлѣтній трудъ служитъ только къ тому, чтобы Русь, наконецъ, явилась крупнымъ ребенкомъ, готовымъ при Петрѣ единственно для подражанія. Объ задаткахъ для развитія новыхъ началъ, чуждыхъ другимъ народамъ, нѣтъ ни полслова. Утѣшительный выводъ: девятисотлѣтній ростъ будущей обезьяны! Слава Богу, мы его за Русскій народъ не принимаемъ“ ¹⁾.

Итакъ, отводя мѣсто съ историческою школою должное мѣсто въ историческомъ процессѣ началамъ *закономѣрности* и *органическаго развитія*, Хомяковъ, во-первыхъ, протестуетъ противъ *сухого схематизма*, противъ той *искус-*

¹⁾ Ibid. 624 – 627.



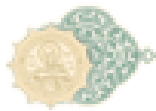
ственной, чисто діалектической послѣдовательности, съ какою представители этой школы проводили въ своихъ трудахъ принципъ органическаго развитія; во-вторыхъ, онъ осуждаетъ *односторонность*, выражавшуюся въ пристрастіи къ *исторіи государственности* и выдвигаетъ на первый планъ *исторію социальную, религіи и быта* и всѣ тѣсно связанныя съ нею „*живые вопросы*“. Ниже мы встрѣтимся у Хомякова, съ одной стороны, съ точнымъ разграниченіемъ государственной и общественной сферъ жизни, съ другой стороны, съ указаніемъ существующей между ними тѣсной внутренней связи. Если теперь мы вспомнимъ, что конечную цѣль исторической науки онъ видѣлъ въ уразумѣніи тѣхъ *живыхъ началъ*, которыя управляютъ жизнью человѣчества, что отъ историка онъ требовалъ *художественнаго чутія*, „учености“, т. е. кропотливаго, точнаго и добросовѣстнаго изслѣдованія фактовъ, „безпристрастія, многообъемлющаго взгляда“, „способности сближать самые далекіе предметы и происшествія“, „терпѣнія въ разработкѣ самыхъ мелкихъ подробностей“, если мы припомнимъ, какъ всесторонне онъ ставилъ вопросъ о факторахъ исторической жизни народовъ и какъ точно опредѣлялъ сравнительное значеніе въ ходѣ историческаго процесса элементовъ *личнаго и общественнаго*, какъ широко раздвигалъ онъ вопросъ объ *источникахъ исторической науки*, осуждая одностороннее пристрастіе къ „официальнымъ столбцамъ исторической лѣтописи“ и требуя отъ историка занятій въ области географіи, этнографіи, археологіи, міѳологіи, лингвистики, словесности (примѣры привлеченія данныхъ изъ всѣхъ этихъ областей знанія въ область историческаго изслѣдованія онъ представилъ на страницахъ своей „Семирамиды“) — если, говоримъ, вспомнимъ все это, то, принимая во вниманіе только что указанныя поправки, внесенныя имъ въ историческую школу, должны будемъ признать, что Хомяковъ въ методологическомъ отношеніи, въ области *теоретической*, былъ у насъ однимъ

изъ завершителей того круга идей, которыя поставили Русскую историографію на современную намъ высоту. Въ главномъ руслѣ своего развитія наша историографія дальше этого не пошла, если, конечно, не имѣть въ виду детальной разработки нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ, обычныхъ споровъ по вопросамъ, не поддающимся точному научному рѣшенію и временнаго увлеченія, такъ называемыми, модными вопросами, которое, по всей вѣроятности, будетъ повторяться на разные лады до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать историческая наука.

Подтвержденіемъ этого взгляда на роль Хомякова въ нашей историографіи можетъ служить слѣдующій фактъ. Извѣстно, что изъ позднѣйшихъ ученыхъ, работавшихъ въ области Русской исторіи, больше другихъ останавливался надъ разработкой методологическихъ вопросовъ покойный К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. И что же мы видимъ? Вспомните мнѣнія по этимъ вопросамъ Б. Рюмина и увидите, что онъ въ своихъ сужденіяхъ почти не выходилъ изъ круга тѣхъ понятій, которыя пущены были въ оборотъ Хомяковымъ въ его сочиненіяхъ, но раньше проповѣдуемы были въ кружковыхъ собраніяхъ, служившихъ для него своего рода аудиторіей¹⁾. Не даромъ „изъ тѣхъ, кто занимался русской исторіей“, человѣкомъ обладавшимъ *самыми сильными уломи*, Б. Рюминъ признавалъ Хомякова; не даромъ онъ находилъ, „что стыдъ и срамъ Русской землѣ, что до сихъ поръ въ Москвѣ Собачья Площадка (гдѣ жилъ Хомяковъ) не зовется Хомяковской, и не стоитъ на ней его статуя. Хомяковъ!“²⁾— восклицаетъ онъ: „Да у насъ въ умственной сферѣ равны съ нимъ только Ломоносовъ и Пушкинъ!“²⁾...

¹⁾ Въ настоящее время сопоставленіе мнѣній Б. Рюмина съ мнѣніями Хомякова не составитъ труда, такъ какъ мнѣнія послѣдняго по интересующимъ насъ вопросамъ довольно тщательно собраны въ книгѣ г. Шмурло: „Очеркъ жизни и научно-литерат. дѣят. К. Н. Б. Рюмина“. Юрьевъ. 1893 г.

²⁾ Е. Шмурло. Очеркъ жизни и научной дѣятельности К. Н. Б. Рюмина. Стр. 236, 286.



Правда, Б. Рюминъ упрекалъ славянофиловъ къ *идеализаціи* древне-русской жизни. Но этотъ упрекъ относится къ И. В. Кирѣевскому и главнымъ образомъ—къ К. С. Аксакову; Хомякова онъ не касается. Что Хомяковъ не скрывалъ темныхъ сторонъ нашей старой Руси, это мы уже видѣли изъ его полемики съ Кирѣевскимъ. Но для болѣе яснаго представленія о томъ, что Хомяковъ не только не ищадилъ темныхъ красокъ для изображенія отрицательныхъ сторонъ до-Петровской Руси, но иногда даже чрезъ мѣру сгущалъ ихъ; полезно вспомнить слѣдующія строки изъ его характеристики объединенной Московской Руси: „когда всѣ обычаи страны, говоритъ онъ, всѣ права и вольности городовъ и сословій принесены были на жертву для составленія полнаго тѣла государства; когда люди, охраненные вещественною властью, стали жить не другъ съ другомъ, а, такъ сказать, другъ подлѣ друга, *язва безправственности общественной распространилась безпечно, и всѣ худыя страсти челоуѣка развились на просторъ*: корыстолюбіе въ судахъ, которыхъ имя сдѣлалось притчею въ народѣ, честолюбіе въ боярахъ, которые просились въ аристократію, властолюбіе въ духовенствѣ, которое стремилось поставить новый папскій тронъ“¹⁾ и т. д. Полагаемъ, что трудно упрекнуть въ идеализаціи древней Руси того, кто находилъ возможнымъ дѣлать о ней такіе отзывы.—Б. Рюминъ упрекалъ также славянофиловъ въ недружелюбномъ и несправедливомъ отношеніи къ Петру В. и его реформамъ. Но и этотъ упрекъ опять таки не относится къ Хомякову, который, какъ увидимъ ниже, признавая Петра „однимъ изъ

¹⁾ Сочин. т. I, стр. 375. Эти строки взяты изъ статьи „О старомъ и новомъ“ (1839 г.), отличающейся сравнительно большею рѣзкостью сужденій, чѣмъ другія его статьи по Русской исторіи. Но при оцѣнѣ историческаго міровоззрѣнія Хомякова не слѣдуетъ придавать значенія его отдѣльнымъ выраженіямъ, въ которыхъ онъ иногда, для хлесткости фразы, любилъ сгущать краски.



могущественнѣйшихъ умовъ и едва-ли не сильнѣйшею волею, какіе представляетъ намъ лѣтопись народовъ“, приписывать ему „честь пробужденія Россіи къ силѣ и къ сознанію силы“, а его реформы считалъ „страшною, но благотѣльною грозою“ ¹⁾). Само собою разумѣется, что Хомяковъ не былъ ни панегиристомъ Петра и его реформъ, ни исключительно хулителемъ до-Петровской Руси, какимъ и долженъ быть безпристрастный историкъ.

В. Завитневичъ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Ibid., стр. 155, 375.